В СУББОТНЕМ НОМЕРЕ Георгий МАРКОВ — Готовясь к XXII съезду... | К. БУКОВСКИЙ — ВЯТСКАЯ ПОЙМА ВЗЫВАЕТ | ЮРИЙ ГЕРМАН — Отрывок из нового романа | Зульфия, Лев Кассиль, Эдуардас Межелайтис, Расул Раз, Максим Рыльский, Юлиан Семенов, Вадим Сикорский, Вероника Тушнова, Виктор Фин, Виктор Шкловский — СТИХИ, СТАТЬИ, РЕЦЕНЗИИ, ПИСЬМА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 43 (4322)

Суббота, 8 апреля 1961 г.

Цена 4 коп.

ПЕРЕД СЪЕЗДОМ

Георгий МАРКОВ

ВСЕГО лишь полугодие отделяет нас от того знаменательного дня, когда в столице нашей Родины — Москве откроется XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Среди выдающихся событий, на которые таким щедрым оказался наш многотрудный героический двадцатый век, это событие будет величайшим событием эпохального значения.

На протяжении всей многолетней истории революционной борьбы съезды Коммунистической партии всегда были перевальными рубежами на историческом пути рабочего класса к своей великой цели.

XXII съезд КПСС займет в истории народов нашей страны, в истории всего человечества свое особое место. Новая программа партии, которую примет съезд, станет программой практического строительства коммунистического общества.

Коммунизм из идеала, из цели, которые на протяжении десятилетий звали и вели огромные людские массы вперед, станет реальной действительностью, станет плотью нашей жизни, нашим бытом. Когда окидываешь мысленным взором все трудности и невзгоды, которые мы преодолели на своем пути ради торжества этого великого дела, то невольно душу охватывает гордость за наш народ и сердце переполняется радостью и волнением.

Весть о созыве XXII съезда КПСС всколыхнула советский народ. Съезд Коммунистической партии — дело, которое касается всех нас вместе и каждого в отдельности. В том сердечном отклике, который вызвало сообщение о съезде, мы снова и снова видим нерасторжимое единство партии и народа.

В это незабываемое время писательские организации горячо обсуждают, как лучше отметить знаменательное событие. Каждый писатель посвящает съезду партии самые плодотворные часы своего вдохновения, каждый из нас желает ознаменовать XXII съезд КПСС страницами, отмеченными искренним трепетом своего сердца и подлинной страстью эпохи.

В оставшееся полугодие писатели Москвы, Ленинграда, Сибири, Дальнего Востока, Урала, центра России, писатели братских союзных республик проведут в честь XXII съезда большую творческую и общественно-массовую работу. На всех языках народов СССР писатели скажут свое слово о родной Коммунистической партии, снискавшей бесконечную всенародную любовь.

В писательских и государственных издательствах выйдут десятки книг, посвященных Коммунистической партии, героическим деяниям нашего народа. Поэты готовят новые сборники стихов, пишут новые песни о Родине, Ленине, Коммунистической партии, комсомоле, Москве, о советских людях, их труде, подвигах, мечтах, любви. Прозаики выступят с очерками о героях наших дней. Они расскажут о жизни и труде новаторов промышленности и сельского хозяйства, о достижениях и победах советской науки, о завоеваниях советской культуры и искусства. Ряд драматургов в честь XXII съезда завершит новые пьесы и сценарии о жизни советских людей. Само собой разумеется, что в сравнительно короткие сроки подготовки к съезду невозможно создать крупные произведения прозы и поэзии, требующие долголетней работы. Но бесспорно одно: атмосфера горячей созидательной жизни советского народа в преддверии исторического события не может не содействовать созреванию новых творческих замыслов писателей, не может не влиять самым положительным образом на интенсивность их труда.

Непростительной ошибкой было бы под флагом подготовки к съезду требовать от писателей скороспелых поделок, искусственно подгонять завершение еще не созревших работ. Самым решительным образом мы выступаем против такого подхода. Все, что делается сейчас в литературе, должно быть сделано на уровне самых высоких идейных и художественных требований. Народ никогда нам не простит замены подлинных изумрудов слова затейливым словосочинительством, глубокого знания жизни — поверхностными представлениями о ней.

ЗА ПОСЛЕДНЕЕ время писатели Советской страны еще больше укрепили свои связи с жизнью, с народом. Они сделали полем своего наблюдения всю страну. В этом смысле показателен пример писателей столицы. Если на географической карте мира прочертить линии между Москвой и теми пунктами, которые посетили московские писатели, то эти линии приведут нас в Петропавловск-Камчатский и Магадан, в Норильск и Братск, Магнитогорск и Запорожье, Ашхабад и Ужгород, Архангельск и Целиноград. А если взглянуть на линии, пересекающие наши государственные границы, то они приведут в города и села Европы и Азии, Африки, Америки и Австралии.

В оставшиеся месяцы писатели еще чаще будут бывать в цехах и на стройках, на полях и фермах колхозов и совхозов, в аудиториях вузов и школах, в научно-исследовательских институтах. Постоянное общение с народом, бесспорно, поможет писателям глубже войти в животворные потоки жизни, а трудящимся — еще сильнее почувствовать высокое назначение литературы, ее вдохновляющую силу в борьбе народа за коммунизм.

Будем надеяться, что писатели шире и ярче отразят при посредстве газет, радио и телевидения свои впечатления от этих встреч, не дожидаясь того, когда эти впечатления приобретут характер законченных художественных обобщений.

Как это ни огорчительно, но приходится признать, что писатели далеко не в меру своих сил и возможностей участвуют в работе газет. Да и радио, и телевидение далеко не используются нами в необходимой степени. Наша жизнь, полная героических свершений и поисков, дает замечательный материал для публицистических размышлений, для задушевных писательских бесед с народом, для яркого отклика на темы внутренней и международной жизни.

В ближайшее время «Литературная газета» начнет широкий разговор о новых чертах советской литературы. Было бы крайне желательно, чтобы в этот большой разговор о литературе последних лет включились все печатные органы Союза писателей и печатные органы других творческих союзов.

Думается, что в этой широкой беседе о литературе в канун XXII съезда КПСС примут участие не только писатели и критики, но и представители всей нашей народной интеллигенции, новаторы промышленности и сельскохозяйственного производства.

Нам есть о чем поговорить! После XX съезда КПСС советская литература прошла большой путь. Мудрые указания партии, ее ленинского Центрального Комитета направляли наше движение по главному пути — по пути тесной связи искусства и литературы с жизнью народа, создания произведений, правдиво и глубоко отображающих богатую содержанием советскую жизнь. Центральный Комитет КПСС, Никита Сергеевич Хрущев в эти годы показали великолепные образцы подлинно ленинского подхода к делу руководства развитием литературы и искусства. Неоднократно мы были свидетелями и участниками поучительных и теплых встреч руководителей партии и правительства с деятелями литературы, искусства и науки, встреч, превратившихся в школу государственного раздумья об искусстве.

Политика консолидации всех творческих сил на принципиальной, партийной основе, провозглашенная Центральным Комитетом партии, оказалась глубоко жизненной, вполне отвечающей внутренним закономерностям роста и движения советской литературы и искусства.

Последовательное осуществление политики консолидации творческих сил еще теснее сплотило всех писателей вокруг Коммунистической партии, вдохновило их на борьбу за овладение современностью как главным объектом изображения, оздоровило атмосферу в литературной среде, раскрыло огромные возможности для ведения систематических творческих дискуссий на базе товарищеского убеждения и разъяснения.

Идея консолидации творческих сил на принципиальной, партийной основе овладела сознанием писателей, и в этом ее главная сила.

Правда, есть еще случаи, когда идею консолидации некоторые товарищи воспринимают на либеральный лад, по-маниловски, по-обывательски. Они готовы по любому поводу выражать восторг, закрывая глаза на отдельные явления, которые тянут литературу с ее главного направления. Естественно, что такой подход ведет к притуплению нашей непримиримости в отношении буржуазной идеологии. Представление о творческой консолидации как о чем-то аморфном, застывшем проникло даже, как это недавно отмечал журнал «Коммунист», в некоторые теоретические труды по советской эстетике. Недостаток идейной остроты в той или иной мере сказался и на проведении отдельных дискуссий. В качестве примера можно было бы упомянуть дискуссию о задачах критики, которая проводилась «Литературной газетой» и которой не хватало должной глубины и остроты в постановке вопросов. Необходимо еще раз подчеркнуть, что консолидация творческих сил — не простое объединение литераторов на добрососедских началах: «ты меня не трогай, и я тебя не трону», а дело высокопринципиальное и партийное, продиктованное интересами народа, коммунистической партийностью нашего искусства.

Но, несмотря на упомянутые мною недостатки, политика консолидации всех творческих сил на партийной, принципиальной основе принесла свои реальные плоды и содержит в себе замечательные возможности на будущее.

Говоря об успехах этой политики, необходимо подчеркнуть, что она вызывает все больший интерес в братских социалистических странах и наши друзья тщательно изучают ее, справедливо видя в ней один из плодотворных и живых примеров творческого развития марксистско-ленинских принципов в новых конкретно-исторических условиях.

ПАРТИЯ назвала писателей своими верными и надежными помощниками. Это ко многому нас обязывает.

Идя навстречу XXII съезду КПСС, мы еще больше сплотимся вокруг Коммунистической партии и ее ленинского Центрального Комитета.

С чувством огромного интереса писатели Советского Союза следили за работой январского Пленума ЦК, с чувством восторга наблюдали мы за поездками Никиты Сергеевича Хрущева по стране, пораженные его неукротимой энергией и глубоким подходом к рассмотрению сложнейших проблем нашей жизни. При чтении вдохновенных, ярких речей Никиты Сергеевича мы невольно думали: «Вот так, смело, решительно, глубоко должны входить писатели в жизнь, вот с таким жаром и знанием должны они бороться за торжество всего того нового, что рождается сегодня в нашей жизни».

Писатели Советской страны приложат все силы к тому, чтобы выполнить пожелание Никиты Сергеевича, высказанное им в Целиограде, о создании новых хороших книг, посвященных замечательным героям наших дней.

Славный героический путь прошел наш советский народ. Всегда и везде писатели были с народом, воодушевляясь бессмертными идеями коммунизма. И теперь, когда советский народ ведет развернутое строительство коммунистического общества, писатели с честью выполнят свой долг, отдадут все свои силы и талант созданию большого искусства эпохи коммунизма.

Вчера, сегодня, завтра

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ КНИГОЛЮБЫ

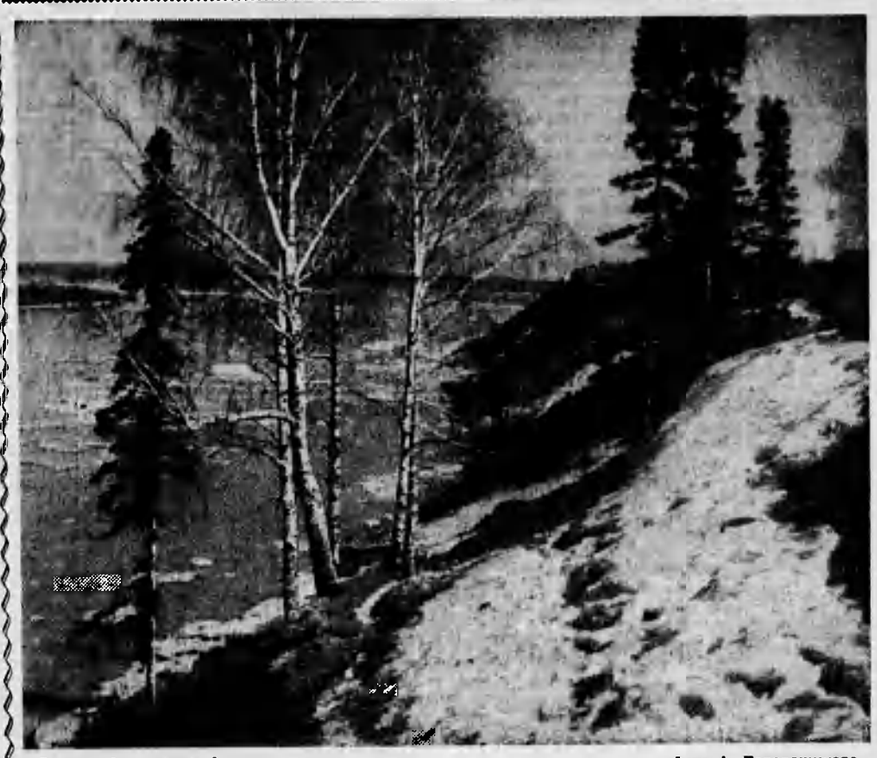
«Только что вернулся из командировки: был в Москве, в Ленинграде, — и тороплюсь сообщить вам, что сумел достать дореволюционные издания радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву»...»

Евгений Романович Борисенко, моряк дальневосточного морского пароходства, показывает открытку, полученную им утром от книголюба Л. В. Захарьина из Южно-Сахалинска.

— Нас, книголюбов, — рассказывает он, — на Дальнем Востоке много. Трудно даже сказать, какими путями налаживались вот такие связи между нами, чаще всего заочные. Но, например, с Львом Владимировичем Захарьиным я случайно познакомился во Владивостоке в магазине букинистической литературы, и вот уже два года мы регулярно переписываемся, обмениваемся новинками и редкими изданиями, делимся впечатлениями от прочитанного.

Первая встреча книголюбов интересно прошла недавно в Петропавловске-Камчатском; в городском театре, когда было объявлено об этой необычной конференции, собралось несколько сот любителей литературы.

Г. ХАЛИЛЕЦКИЙ
ВЛАДИВОСТОК. (Наш корр.)



Весна идет, весне дорогу... Фото А. Перевощикова.

Спор на Вятке

К. БУКОВСКИЙ

СПОР этот начался с того, что я спросил:

— Зачем слили районы?

Мой собеседник, секретарь райкома, один из виновников того, что были слиты в один два района, совершенно непохожие друг на друга ни по природе, ни по экономике, ни по источникам существования — и не только были слиты районы, но и объединены колхозы, созданы здесь, на Вятке, колхозы наподобие кубанских, ответил:

— Затем, чтобы разрубить вот этот «заколдованный круг»!

И он начертил в моем блокноте вот такой круг:

Мало кормов — мало скота — мало навоза — низкий урожай.

Посередине круга он поставил вопрос: как из него выйти?

Я знал уже, что вятская деревня попала в этот круг и что перед ней стоит вопрос, как из него выйти, но понять, почему и как всеобщее слияние, которым занялись в последнее время здесь, на Вятке, поможет его разрешить, я не мог и потому спросил:

— А как он возник, этот «заколдованный круг»?

Я-то знал, впрочем, и это. Он возник оттого, что здесь, на Вятке, сломали через коленку все, что сложила для них, вятичей, сама природа, и теперь доламывали до конца как раз то, что оставалось еще не сломанным, очевидно, не в силах уже остановиться.

И мой собеседник тоже это знал. Мы знали оба, что экономику здесь, на Вятке, сложили не люди, не ведомства, не министерства и не райкомы даже, и не Госплан, а сама природа. Природа определила тот круг, по которому двигалось сельскохозяйственное производство края, а вслед за ним и его промышленное производство.

Природа дала в руки людей, пришедших заселять этот край, главный двигатель его экономики и его главное богатство — заливные вятские луга. Не из-за земли (земля здесь плохая) и не из-за леса (хотя лесами этот край был богат) пришли сюда эти люди, а из-за поймы. Заливные поемные вятские луга по всему бассейну Вятки и ее притокам — вот что было кладом для русских людей, заселивших этот бассейн и построивших здесь свои первые города. И ради этого клада только и стоило здесь селиться.

На заливных вятских лугах русские люди раскормили своих прославленных коров и основали молочное производство, которое в свою очередь основало молочную, сыроваренную, кожевенную и прочую промышленность, послужившую основанием опять-таки для развития молочного производства. В одном только Орловском (ныне город Халтурин) уезде к 1913 году было 68 сельских маслодельных заводов, в то время как по всей Вятской губернии их было больше двухсот.

Еще Ленин писал в 90-е годы, имея в виду, если говорить о северных, такие губернии, как Вятская, Вологодская и т. д.:

«Мы переходим теперь к другому важнейшему району земледельческого капитализма в России, именно к области, в которой преобладающее значение имеют не зерновые продукты, а продукты скотоводства. Эта область охватывает, кроме прибалтийских и западных губерний, губернии северные, промышленные и части некоторых центральных губерний (Рязанской, Орловской, Тульской, Нижегородской). Продуктивность скота получает здесь молочно-хозяйственное направление, и весь характер земледелия приспособляется к тому, чтобы получать возможно большее количество возможно более ценных рыночных продуктов этого рода».

Цитируя статистические очерки тех лет, Ленин делал вывод:

«Целый переворот сделало в положении хозяйств этого района развитие молочного хозяйства», оно «косвенно повлияло также и на возрождение в нем и земледелия».

«...С тех пор,—продолжал Ленин,— «хозяева начали заботиться об улучшении своих стад, заводить травосеяние, приобретать усовершенствованные орудия... старались поставить молочное дело на чисто коммерческие основания».

«Повсюду, — писал Ленин, цитируя данные по Московской губернии (но это относится и ко всему району молочного животноводства), — ...пашня, сокращаясь в своих размерах, переходит в луга и пастбища, зерновые севообороты уступают свое место многопольно-травяным. Кормовые травы и молочный скот, а не хлеб играют уже первенствующую роль...»

Промышленные области — понятно! А почему именно в северных областях шел этот же процесс? Потому, что здесь было мало земли, и земли были плохие, но зато были реки, такие, как Сухона и Вятка, с их могучими притоками, а по этим рекам и их притокам размещались богатые травами заливные поемные луга. Отсюда пошли высокомолочные, с высоким процентом жира, вологодская, вятская, холмогорская, ярославская, костромская и другие породы скота, и отсюда пошло молочно-животноводческое направление всего сельского хозяйства этих областей.

НО ВОТ что важно понять (в том числе и тем, кто ныне планирует сельскохозяйственное производство): молочная корова в этих областях не только давала молоко, она делала еще и урожай. Молоко и молочная корова стояли во главе того сельскохозяйственного круга, который лишь недавно, начиная с годов войны, стал «заколдованным» и порочным здесь, на Вятке, а до этого был естественным и благотворным для всего сельскохозяйственного производства молочно-животноводческих областей.

Вот тот круг, который сложила молочная корова, или, вернее сказать, который сложила здесь, на Вятке, богатая кормами вятская пойма:

Много кормов — много скота — много навоза — высокий урожай.

На северных нечерноземных почвах навоз всегда был главным источником урожая. А навоз откуда же возьмется, кроме как от скота? Но и скот требовал в свою очередь кормов для того, чтобы дать много молока, и требовал соломенной подстилки для того, чтобы дать много навоза. Таким образом, все начиналось с кормов. Чем больше было кормов, тем больше было скота. Чем больше было скота, тем больше было навоза. Чем больше было навоза, тем выше был урожай. Чем выше был урожай, тем больше было кормов... И по этому же молочно-кормовому кругу корова вела за собой весь сельскохозяйственный круг. Она, как мы уже сказали выше, не только давала молоко, но и выращивала зерно.

Может быть, кому-нибудь это покажется странным, но цифры говорят: на плохих — песчаных, суглинистых и глинистых — почвах урожай зерновых в северных нечерноземных областях был постоянно устойчивым и довольно высоким, пока там не был сломан этот молочно-кормовой сельскохозяйственный круг. Он не уступал урожаям где-нибудь на тамбовских или пензенских черноземах. Правда, этим северным областям никогда не хватало собственного хлеба. Хлеб сюда завозился, а свое поле преимущественно кормило молочный скот. Но зато реки здесь «текли молоком».

Из молока маслобойные заводы били масло, сыроваренные заводы варили сыр и питали этим маслом и сыром Урал, Северное Поморье, отчасти Сибирь и Ленинград. А прежде вятские купцы через Архангельск возили вятское масло в Лондон и Париж. И оно там ценилось.

Все это мы с моим собеседником знали. И знали также, что и хлеба до того, как здесь был сломан этот сельскохозяйственный круг, Кировская область производила больше, чем теперь, и что делала это та же высокомолочная вятская корова, которая не только давала навоз на поля, но и заставляла занимать до половины слабых песчаных земельных площадей под клевер и тимофеевку. Клевер с тимофеевкой высевались и для корма, и для урожая. Корм от клевера с тимофеевкой получался и зеленый, и сочный, и грубый, и в виде сенной клеверной муки. Кроме клевера с тимофеевкой, здесь высевалась вика с овсом. Опять получался и зеленый, и сочный, и грубый корм, и сенная питательная мука. Сеяли еще высокоурожайный ячмень. Ячменную солому весной резали, запаривали, сдабривали отрубями и давали на корм скоту. Сеяли по клеверищам лен, а по льну уже зерновые. Лен в свою очередь давал жмыхи для молочного скота и деньги от продажи льняного семени и волокна. Деньги от льна вятские колхозы получали большие, и удой от жмыхов повышался с каждым годом. Ржаную солому в те совсем еще недавние времена на корм не пускали. Кормов было много, сено вывозили даже в центр России, и солома шла на подстилку скоту, иначе сказать, в навоз.

Навоз, клевер, бобовые смеси, зеленые (сидеральные) и чистые пары — вот что заставляло до самой последней поры слабые вятские земли давать урожай. Их заставляла родить, как видите, корова. И это вовсе не беда, что до половины площадей было занято травами. Зато хлеба было больше, чем теперь, и больше было молока и масла.

МЫ ОБА с моим собеседником это знали. И мы знали также, как много тяжелых и горьких ошибок надо было свершить здесь, на Вятке, чтобы сломать тот круг, который был еще в самом начале сложен самой природой, и превратить его в «заколдованный», из которого надо было теперь выбираться. Кто и когда свершил эти ошибки, — мы вспоминать не стали.

А ведь кто-то виноват, и очень, в том, что запустил вятскую пойму, позволил ей зарасти лесами, черемуховыми зарослями, покрыться кочкарником

(Окончание на 2-й стр.)

Вчера, сегодня, завтра

В ЯПОНИЮ

По приглашению ассоциации профессиональных писателей Японии, общества «Новая японская литература» и других литературных организаций, из Москвы в Токио вылетела делегация советских писателей в составе Олеся Гончара (руководитель делегации), Всеволода Иванова, Нагибы Зарьяна и Николая Михайлова. Советские писатели встретятся с японскими литераторами, совершат поездку по стране и ознакомятся с жизнью и культурой Японии. Делегация пробудет в Японии три недели. Писатель Н. Михайлов закончит работу над серией очерков о Японии, которую он начал ранее.

Новые стихи

Максим РЫЛЬСКИЙ

ДВЕ ЭЛЕГИИ И ЛЕГКАЯ САТИРА

1.

Кукушки, грустя, куковали в далеких плавнях.
О. ГОНЧАР

Кукушки, грустя, куковали —
Щемящие душу слова!
В них весен минувших печали,
В них вялая шепчет трава.

Те лозы, что гнулись над нами
В те наши весенние дни,
Те робкие руки с цветами, —
Где ныне, где ныне они?

Где песни, что мы запевали?
Где счастье до слез, где оно?..
...Кукушки, грустя, куковали
Там — в плавнях далеких — давно...

2.

Сыплет, сыплет, сыплет снег...
И. ФРАНКО

Морозный, легкий искрится снежок,
Как будто прямо падает на сердце,
И как свое ты сердце б не берег, —
Оно остынет. Никуда не деться!

Теперь едва-едва могу понять,
Зачем я в юности покоя жаждал:
Реветь бы бурей, молнией блистать
Заставил бы я нынче миг мой каждый.

А снег идет. А голова в снегу.
И в грудь проник мороз. — Все стынет разом.
...За юный, безрассудный жар — могу
Швырнуть я прочь свой стариковский разум!

3.

Думы мои, думы мои,
Горе, думы, с вами!..
Т. ШЕВЧЕНКО

Как хорошо такому жить,
Кто не знавал печальной думы,
Чье сердце может не грустить
Весной от радостного шума!

Все ясно на земле, все так,
Как видят люди, не иначе;
Большая буква, малый знак —
Ему одно и то же значат.

Благоразумный человек,
Он не увидит даже сонный
Загадочного взмаха век
И взгляда синевы бездонной,

Заката с розовой пыльцой
И взлета неизвестной птицы,
И четкий стук в окно зимой
Ему средь ночи не приснится,
А на снегу чуть видный след,
Что за ночь вьюгой заметало,
И образ той, которой нет
И, может, вовсе не бывало...

Прошу вас, критики, простить,
Коль выглядит поэт угрюмым...
...Как горестно такому жить,
Кто не знавал печальной думы!

Перевел с украинского
Педер ХУЗАНГАЙ

Эдуардас МЕЖЕЛАИТИС

МАЙОЛИКА

Как вы молоды.
Ваши плечи задумчиво сближены.
Вы сидите над глиной. Над комьями рыжими.
Ваши руки сплетаются,
словно ветви.
Ваши головы подняты вверх,
под ветер.

Что вы делаете?
Рыжие комья вы комкаете.
Тему ищете?
Впечатления копите?
Вы взгляните на синюю птицу,
взгляните,
как она
покачивается в зените.

И возьмите глины комок, разомните,
разомните
и стебель зеленый слепите,
пусть растет он, не в силах
остановиться,
пусть наполнится соком,
я пусть он ветвится.
И слепите кувшин. Все ненужное
выкиньте.
Только спину ему, как у девушки,
выгните,
Чтобы он у воды грациозно
покачивался,
чтобы танец его у воды не
оканчивался,
чтобы ветер звенел об него,
налетая,
чтоб ромашка на нем проросла
золотая.
Если вы не поймете парения птичьего,
где же большого полета понять вам
величие?
Вы мне лиц не рисуйте своих
отражения,
вы летите.
Я хочу вас увидеть в движении.
Поднимайте-ка головы в синее,
в синее.
Ваши руки, я вижу, сплетаются
сильные,
оживают на глине и звуки, и краски...
О майолика — пестрая птица из
сказки!

КЛАЙПЕДА. РЕКА ДАНГЕ (НЕБЕСНАЯ)

О, не зря зовут тебя Небесной.
Потому что ты несешь в янтарный
порт
голубого небосклона песня,
белых облачков
полет.
Жмется к берегу тяжелый невод,
рыба собирается в косик.
Перемешаны
вода и небо.
Между ними ласточки висят.
О, не зря зовут тебя Небесной:
белые сады в тебе видны,
белоногие рыбацкие невесты
будто бы плывут из глубины.
Что на небосклоне ни появится,
словно в зеркале, в тебе проявится.
Кренится под парусами мачта,
где еще такое сыщешь? Где?..
И влюбленная
рыбачка
отражается в твоей воде.
А твоя вода все плещет-плещет.
Будь с девчонкою добрей. Гляди...
Звездами осыпь ее по плечи,
месяц в косы тихие вплети.
О, не зря зовут тебя Небесной.
Потому что ты несешь в янтарный
порт
трубы,
подпирающие бездну
неба,
дыма черного полет.
Этот дым, он тянется густыми
лентами. Он метит в небеса.
Возникают на лугах твоих пустынных
заводские корпуса.
О, не зря зовут тебя Небесной.
Город был в развалинах. Без сил.
Снова улицы его
воскресли.
Это плеск твой
город воскресил.
Это плеск твой, блеск твой, твои песни,
затихающие поутру...
О, не зря зовут тебя Небесной —
поднебесья синюю сестру.
Судна два. Две чайки. Два прилива.
Солнца два на глади голубой.
Вдвое мир,
когда с тобой,
счастливей,
необыкновеннее с тобой.
И когда в рассвете синем-синем
над тобою пешеход придержит бег,
подскажи ему, что он — красивый,
он — прекрасный,
этот человек.
О, не зря зовут тебя Небесной.
Столько света на твоем челе.
Как назвать тебя иначе.
если
продолжаешь небо на земле.

Перевел с литовского
Булат ОКУДЖАВА

Спор на Вятке

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

и давать вместо двадцати — шесть центнеров урожая. Кто-то виноват, и очень, в том, что распахал клевера, вытеснил бобовые смеси, занял зеленые пары под овес, заставил сеять из года в год одну и ту же культуру по одним и тем же площадям. Кто-то виноват, и очень, в том, что ликвидировал в области все лугомелиоративные станции, распустил всю технику и не создал ни колхозных, ни межколхозных мелиоративных отрядов. Кто-то виноват, и очень, в том, что, отказавшись от лошади, на которой вятский крестьянин и мелкие вятские колхозы распахивали каждую полянку и каждую мелкую болотную пустошь, запустил эти поляны и пустоши настолько, что они покрылись теперь болотами и лесом. Кто-то виноват, и очень, в том, что изъял таким образом из вятского сельскохозяйственного оборота десятки и сотни тысяч гектаров пашни и луга и прибавил к ним столько же десятков и сотен тысяч запущенных пастбищ. Кто-то виноват, и очень, в том, что порешил таким образом кормовую базу и заставил кормить молочный скот ржаной соломой вместо клеверного, вико-овсяного и лугового сена, льняных жмыхов, свекольных и турнепсовых сочных кормов и, больше того, заставил завозить эту ржаную солому сюда, на Вятку, из Челябинска и Оренбурга.

Вот он сидит передо мною, один из тех, кто еще только вчера ломал и гнул все через коленку в своем районном масштабе. Он доказывает мне, что теперь уже обратного хода нет и надо искать путей из «заколдованного круга» в тех сверхукрупненных колхозах, которые здесь созданы, и я знаю, что он прав — обратного хода действительно нет. Он был еще недавно, когда из шестнадцати колхозов в одном неукрупненном районе не успели еще сделать шесть колхозов простым прочерком секретарского пальца по карте: вот тут будет один колхоз, вот тут второй, — но теперь его нет. Дело сделано — палец карту расчертил. Ни лес, ни болота, ни железная дорога, разделявшие бывшие колхозы, а теперь бригады, чертившего не смутили. Он знал, что крупное хозяйство «сильнее мелкого», и создавал самые крупные, какие только можно. Что дело происходило не в башкирской степи, откуда он родом, а на лесной, луговой и болотистой Вятке, — в расчет не шло.

Не он первый это придумал: ломать и гнуть природу и экономику через коленку. Кто-то, когда-то решил: долой природную специализацию! Что там напланировала сама природа — давайте перепланируем все по-своему. Корова с ее молоком и маслом стояла у вятичей во главе угла — давайте-ка поставим зерно! Говорите, что там земли плохие, а пойма богатая? Все ерунда! Не пойма решает дело, а земля. А на земле — зерно. Не получается зерна без навоза и клевера — надо заставить! А как заставить? Разверстать всю площадь: столько-то под пшеницу, столько-то под рожь, столько-то под ячмень, столько-то под овес... И пусть родит! Не уродит один год — заставить на второй! И никаких там богатых пойм и плохих земель! Все должно быть хорошим!..

Ан вышло плохо. Круг-то разомкнулся где-то в главном, а потом сомкнулся снова, да и пошел разматываться назад. Мало кормов — мало скота. Мало скота — мало навоза. (И мало, добавим, минеральных удобрений.) Мало навоза — низок урожай. Низок урожай — мало кормов, и т. д.

И все ведь обнаружилось, как только вспомнили, что северный край когда-то был молочным краем, а вовсе не хлебным, и снова потребовали с него молока. Молоко-то сразу все и раскрыло — все ошибки. Для того, чтобы было много молока, оказалось, надо много хорошего, высокопродуктивного скота. А для того, чтобы было много такого скота, оказалось, надо много и кормов. А для того, чтобы было много кормов, оказалось, нужен хороший урожай. Да не просто урожай, а урожай кормовых культур, которыми можно откормить, а затем и раздоить отощавших на привозной-то ржаной соломке молочных коров.

Вот тут-то и встал вопрос: с чего начинать? С какого из этих четырех звеньев «заколдованного» вятского круга надо начинать его двигать в прежнюю сторону? Вопрос уже стоит не так: кто виноват, а как исправить?

Так вот, мой собеседник, секретарь райкома, решил, что лучше всего исправить тем, что вернуться к прежней специализации. Но только то, что было колхозами, придется назвать теперь бригадами и сделать так, чтобы в одном гигантском колхозе (раз уж он сверхукрупнен) создать специализированные бригады — одну молочно-животноводческую, другую свиноводческую, третью полеводческую, с клеверами и льном, четвертую овощную, пятую... И так далее.

Не от хорошей жизни он, мой собеседник, пришел к такой мысли. Я уже сказал в начале спора, что, принявшись ломать, вятичи в конце концов доломались. Природа дала в их руки клад — заливные луга. Она же подсказала им и средство, как хранить этот клад, — крестьянскую пожню и косу-горбушу. На смену крестьянской семье пришла семья колхозная. Казалось бы, чего же лучше! И верно. Еще в 1939 году вятские колхозы выходили на пойму, расчищали луга, разравнивали кочкарник, приводили свой клад в порядок. А дальше пришла война — луга заросли. Но война-то кончилась, а к кладу уже больше никто почти не прикасался. Чем крупнее становились колхозы и чем мощнее техника, тем реже выходили вятские колхозы на свои луга, пока совсем их не запустили. И зарыли вятичи свой клад, стали получать с него всего по 6 центнеров сена с гектара вместо прежних 20 и 30.

Болота и лес пошли в наступление на вятские луга, а вместе с ними и на вятскую землю. В одном только том районе, о котором я пишу, из 38 тысяч гектаров лугов заросло лесом и покрылось болотами 10 тысяч. Из 25 тысяч гектаров пастбищ поросла лесом и покрылась болотами половина. И, кроме того, заросло лесом и покрылось болотами еще 14 тысяч гектаров так называемых нынешних «пустошей», иначе сказать, бывшей пахотной земли. (Теперь ее зовут «малой целиной».)

Косу-горбушу сломали и выбросили, лошадей в колхозах перевели. А взамен их получили не свой, вятский трактор, а тяжелый — степной. В лесной-то и песчано-болотистой области, с ее «нежной» речной поймой, куда крестьянин весной заезжал на полозьях, чтобы не наделать рытвин на лугах, — один только тяжелый трактор!

Ну, а раз трактор один — тяжелый, так куда там до мелких массивов и лесных полян! Даешь казахстанские масштабы! Укрупняй и сверхукрупняй районы и колхозы! Своди под одну районную крышу и песчаные горы вятского плато, где паслись нагульные мясные стада, и луговую вятскую пойму, где выращивалась веками знаменитая вятская молочная корова! Тяни под эту крышу и степные и приречные земли, и степные и приречные колхозы, и степняков-крестьян и приречных культурных молоководов, — все вали в кучу, вплоть до статистики, чтобы ни в чем уже нельзя было разобраться — ни в прошлом, ни в настоящем.

Ну, свалили! Теперь спрашивают: с чего начинать?

Мой собеседник говорит:

— Со специализации колхозных бригад.

Это значит — бывших колхозов. А не лучше ли было не сводить эти колхозы в сверхукрупненные гиганты, а сверхукрупненные гиганты — для сокращения — в сверхукрупненные районы? Ведь область-то вятская, а не казахстанская и не кубанская. И даже не тамбовская. Природа-то «специализировала» однажды всю область. И применительно к этой специализации и возникли где молочные, где нагульные, где овощные, где льноводческие, где зерновые, где другие хозяйства, и все они шли в одном направлении — молочно-животноводческом, а это последнее двигало вперед всю экономику края. Зачем же было все это сводить и снова разводить теперь по «специализированным» бригадам?

Но собеседник мой прав — обратного хода нет. Разводить то, что сведено и что смешано в кучу, теперь уже невозможно, нецелесообразно. Надо искать выход из «заколдованного круга», и искать его все-таки в специализации.

Да, надо вернуть молочным северным областям их молочно-животноводческое направление! А молоко уже заставит, как заставляло прежде, вступить на тот круг, по которому двигалось все сельское хозяйство этих областей до того, как они с этого круга сбились.

Да, надо дать возможность вятичам начать с кормов! Начать с пастбищ, лугов и клеверов. Начать с травопольных севооборотов. С зеленых паров, с вико-овсяных смесей и кукурузы, с того, что кормит молочный скот и что возвращает потом на поля навоз, а вместе с ним и урожай.

...И тут уже спора нет. Мой собеседник со мной согласен. Остается только, чтобы согласились те, кто развертывает площади, от кого зависит, что будут поставлять Кировская и соседние с нею области и что получат они в качестве ассигнований на развитие сельского хозяйства, куда пойдут эти средства.

Для начала вятичам нужны свои семеноводческие хозяйства по естественным и сеяным травам — без этого у них не будет ни травопольных севооборотов, ни высокого урожая трав на заливных и суходольных лугах. Им нужны также лугомелиоративная техника, лугомелиоративные отряды в каждом колхозе, без которых они не могут ни улучшить, ни коренным образом восстановить свои луга и пастбища.

Для начала вятичам нужно вернуть на свои пески лен и клевера, потому что без льна у них не будет ни жмыхов, ни денег, и нечем будет занять рабочую силу в колхозах в зимнее время, а без клеверов на песках не будет ни зерна, ни кормов.

Для начала вятичам нужны свои государственные племенные хозяйства по молочному скоту, потому что оставленная без кормов и предоставленная самой себе — на близкородственное разведение — знаменитая вятская истобенская корова в ближайшие годы попросту выродится и потеряет все свои породные качества.

Для начала вятичам нужно заставить Вятку снова «течь молоком», а уж молоко, как мы сказали, разомкнет тот круг, который вятичи сами же и замкнули.

ВСТРЕЧА В КОЛОННОМ ЗАЛЕ

Литература и современность... В преддверии XXII съезда КПСС эта тема особенно ответственна. Не ради простого развлечения собрались в Колонном зале 3 апреля сотни людей. Это был отчет писателей перед взыскательной, зоркой и осведомленной читательской аудиторией. М. Матусовский, Н. Доризо, С. Смирнов, С. Щипачев, С. Васильев читали стихи из новых, уже вышедших или подготовленных к печати книг.

А. Коптяева, Г. Марков, Г. Николаева, Е. Рябчиков, А. Салынский рассказали о своих ближайших планах. Новый роман о нефтяниках пишет А. Коптяева. Роман о современном советском человеке, решающем грандиозные задачи преобразования страны, вскоре закончит Г. Марков. Цикл новелл, написанных от лица простой старой женщины, и произведение об ученых-физиках задуманы Г. Николаевой. Разнообразны предсъездовские творческие интересы участников вечера — поэтов, прозаиков, публицистов, драматургов.

Вчера, Сегодня, Завтра

ВСТРЕЧИ С КАЛИНИНГРАДСКИМИ ЧИТАТЕЛЯМИ

В Калининграде, в Доме культуры рыбаков, на днях состоялась конференция читателей «Литературной газеты». Конференцию открыл секретарь Калининградского городского комитета КПСС тов. В. Богданчиков. После сообщения о работе «Литературной газеты» начались прения.

— Отдел советской литературы должен быть представлен в газете куда шире, чем сейчас, — сказала педагог Калининградского пединститута Н. Кокстенчик. Она высказалась за проведение на страницах «Литературной газеты» творческих дискуссий, за более широкую литературную информацию.

Читательница И. Карпова, также педагог по профессии, рассказала о спорах читателей в связи с профилем газеты:

— Некоторые, видимо, считают, что «Литературной газете» не стоит разбрасываться. По их мнению, проблемы, связанные с богатствами наших водоемов, снижением посевов гречихи, развитием медицины и педагогики, не должны занимать газету. Однако большинство наших читателей считает, что писатель всегда должен быть в гуще народа, и если начали падать рыбные запасы морей или с прилавков исчезла гречневая крупа, он должен об этом писать.

— Калининград называют городом рыбаков, — сказал морской инспектор Запрыбхолодфлота Ф. Николаев. — Многие из них — читатели «Литературной газеты». Среди наших рыбаков немало подлинных героев трудовых будней. Мне хотелось бы увидеть на страницах вашей газеты рассказ о том, как был освоен океанский промысел, как героически трудятся калининградцы.

Выступившие затем на конференции редактор газеты «Маяк» А. Дарьялов, писатель В. Ерашов, директор областного книжного издательства В. Лавренко, студент Ю. Шуманов, балтийский поэт старший лейтенант Н. Суслович и другие говорили о том, что надо полнее освещать творчество молодых прозаиков и поэтов, внимательнее относиться к творчеству литераторов, работающих в Калининградской области.

Конференцию в Калининграде проводила бригада «Литературной газеты» в составе О. Прудкова, Ю. Друниной, В. Бокова, Б. Ласкина, Н. Мара. Состоялись также встречи с читателями — воинами Советской Армии и Флота и устные выпуски «Литературной газеты».

ВСТРЕЧА В КОЛОННОМ ЗАЛЕ

Вечер показал, как близко к сердцу принимает наш читатель писательские успехи, нужды и неудачи, как необходимы живые формы общения литераторов с современниками, подлинными героями книг, уже написанных и будущих.

Метние реплики А. Суркова-председателя немало способствовали успеху вечера.

А здесь перед нами — темпераментный Сурков-поэт; он читает свое стихотворение «Страна Гарибальди».

КЛОПИНЫЙ ЗУД

Открытое письмо итальянскому информационному агентству Континентале и американскому агентству Юнайтед Пресс Интернейшнл

Уважаемые синьоры! Достопочтенные джентльмены!

Поспешить с этим письмом заставляет меня прежде всего чувство человеколюбия. Мне хочется как можно скорее успокоить вас, синьоры и джентльмены, так как в последние дни вы очень уж тревожитесь за меня... И, действительно, как не тревожиться, если, судя по вашим сообщениям, со мной стряслись ужасные происшествия, горькие вести о которых агентство ЮПИ (Юнайтед Пресс Интернейшнл), ссылаясь на «надежный источник» агентства Континенталь, энергично распространяет по всему свету...

«По сведениям из надежного источника, — утверждаете вы, — советский писатель и журналист Лев Абрамович Кассиль был удален из Москвы за то, что он поддержал антисоветскую пропаганду. Кассиль приехал в Рим в прошлом году для освещения римских Олимпийских игр в качестве корреспондента советской «Литературной газеты»... Ему было предъявлено обвинение в том, что он и его друг, тоже советский журналист, получали во время их пребывания в Риме антикоммунистический пропагандистский материал от Национального Союза русских солидаристов — русской монархической группы со штабом в Буэнос-Айресе и от групп молодых католиков. Кассиль... опубликовал содержание некоторых листовок, раскрывая тем самым наличие антисоветских групп и их деятельность...»

Ваши агентства сообщают, что я «попал в опалу», деликатно выражаясь, «удален из Москвы» и исключен из партии. «Статьи Кассиля уже не публикуются почти три месяца» — таков заключительный поминальный аккорд этого полунекролога обо мне...

Вот так история!.. А я-то сам и не заметил, какие ужасные беды свалились на мою голову за последние месяцы! Я и не догадывался совсем, что, выезжая за это время, скажем, в Минск, где мне пришлось выступать и по телевидению, или только что побывав в Ленинграде, когда на Неделе детской книги я провел там семь публичных выступлений, в том числе одно — по телевидению, я, простонапросто, выезжал в ссылку... И, по-видимому, те статьи, очерки, которые в феврале, марте, апреле печатались в наших журналах и газетах за подписью «Лев Кассиль», были подписаны моим двойником или однофамильцем? А я-то ничего этого не знал, если бы не ваша любезная отзывчивость, уважаемые синьоры и мистеры. И чей же это, интересно, фильм об Олимпийских играх под названием «Пять колец над Римом» все эти месяцы шел на наших экранах? Мне-то по наивности казалось, что я принимал кое-какое участие в написании его сценария и дикторского текста, о чем говорится в первых же вступительных титрах фильма.

Загадочным остается также, как это меня, писателя, не состоящего в партии, исключили из нее?..

В чем же все-таки дело? Зачем и кому понадобилась вся эта глупейшая брехня? Понедоумевав некоторое время, а затем порывшись в памяти и в газетных вырезках, я нашел одну из своих корреспонденций из Рима, посланную в дни XVII Олимпийских игр. В номере «Литературной газеты» от 6 сентября 1960 года я писал:

«...Иной раз вдруг послышится голос как бы из могилы. У нас было абсолютное ощущение разговора с сильно попорченными временем покойниками, когда мы стали то и дело находить в своих почтовых ящиках в отеле номера эмигрантской газетки «Посев» (этот, с позволения сказать, посев всходит во Франкфурте-на-Майне) или даже брошюрки вроде «Правда о русском царизме», в которых утверждается, что, вопреки злой воле нехороших дворян, добрые батюшки-цари всегда старались спасти и облагодетельствовать русский народ, что дни Советской власти сочтены и поэтому единственное спасение наше в русском царе... Благо, уже припасен и наследник — родной правнук Александра второго...

Честное слово, если бы я сам своими руками не выбросил в корзину эту писанину, я бы не поверил, что даже в Буэнос-Айресе (в городе, где она напечатана) можно сегодня печатать типографским способом вот этакое... Да еще всучивать эти бредни людям страны, посланников которой встречают в Риме возгласами: «Рус, Мосива. Спутник. Хрущев бене!».

Ни для кого никогда не было секретом, что кое-где на свете еще сохранились такие эмигрантские клоповники. Им ужасно хочется выглядеть хотя бы малюсенькими центриками, играющими какую-то роль в общественной жизни. И они изо всех щелей и из клопиных усохших шкурок своих лезут, чтобы как-нибудь при любом удобном случае нашуметь о себе, наследить, где только можно. Это все более или менее понятно. Для того они и существуют, чтобы в меру своих клопиных сил вызывать зуд в старых расчесах истории.

Но как такое крупное и вроде бы солидное агентство, как ЮПИ, позволяет заползать в строки своих сообщений слухам из старого клоповника? С каких пор помойная яма приравнивается к артезианскому колодцу и выдается за «надежный источник»?

Видно, некоторые деятели ЮПИ не прочь поживиться любой антисоветской сплетней, нимало не заботясь о ее достоверности. Расчет не хитрый. Как говорил в подобных случаях Маяковский: «Дыра в ушах не у всех сквозная — другому может запасть!»

Разумеется, синьоры и джентльмены, это конфузное для вас происшествие не заслонит от меня чудесных дней, проведенных в радушном Риме, жители которого проявили по отношению к нам поистине солнечное гостеприимство. Бумажный мусор, каким набивали наши почтовые ящики в отеле «Домус Санта Мария» пытавшиеся проползти к нам выходцы из клопиных щелей, никогда не засорял общих наших впечатлений об олимпийском Риме. Но поскольку первоисточником идиотической сплетни обо мне оказалось агентство Континенталь в Риме, я позволю себе обратить к вечному городу строки Маяковского, сказанные по другому поводу:

„тебе ль,
столице столетий,
к лицу
эмигрантская нудь?
Смахни
аа ушми
эмигрантские сплетни —
провинция —
не продохнуть!
Примите, как говорится, и пр.

Лев КАССИЛЬ

Москва, 6 апреля 1961 года

Вчера, Сегодня, Завтра

СЮРПРИЗЫ БОЛЬШОЙ ЯЛТЫ

Пожалуй, никогда еще не были столь разительны перемены в облике жемчужины курортного юга Ялты, как нынешней весной. Уже при самом въезде курортников ожидает первый сюрприз. Куда подевалась петляющая по узким горным откосам старая дорога? Машины въезжают в Ялту по широкой с плавными, едва заметными поворотами и подъемами новой автостраде. Она незаметно переходит в уличные магистрали, такие же просторные и удобные.

Второй весенний сюрприз гостям — расширение тех улиц и перекрестков, где обычно скапливались транспорт и пешеходы. Ширина проезжей части Московской, Киевской, Садовой и улицы Кирова вместо прежних 6—7 достигают теперь 10—11 метров. Дать такой простор улицам в горных условиях Ялты было делом непростым. Так, по Садовой возведена специальная эстакада на железобетонных опорах, которые держат мощные плиты — добавочную «площадь» проезжей части этой улицы. На самом людном перекрестке в центре города заканчивается сооружение подземного перехода под проезжей частью улицы Кирова.

И еще одно новшество — не будет бензинного перегара, портящего целебный воздух столицы крымских здравниц. Автобусы исчезнут с улиц. Строители обещают к маю сдать в эксплуатацию первую очередь троллейбусной трассы Большой Ялты — городское кольцо протяженностью в 6,5 километра. Позднее оно соединится с заканчивающейся сейчас троллейбусной магистралью Ялта — Симферополь.

А. ЭВЕНТОВ

СИМФЕРОПОЛЬ. (Наш корр.)

Вчера, Сегодня, Завтра

ВО СЛАВУ ПОКОРИТЕЛЕЙ ЦЕЛИНЫ

ЦК Компартии Казахстана и правительство республики приняли решение о сооружении в Алма-Ате монумента, прославляющего подвиг покорителей целины. Эту весть с радостью восприняли живописцы, писатели, поэты, скульпторы, деятели искусств Казахстана, которые посвящают свой талант созданию романов, поэм, ярких полотен и памятников победителям в великой битве с природой.

— Мы считаем великой честью, — сказал председатель Союза художников Казахстана Сабур Мамбеев, — работу над монументом и приложим все умение, чтобы этот памятник был достоин славы народа, проложившего дорогу в космос и освоившего целину.

А. АЛИМЖАНОВ

АЛМА-АТА. (Наш корр.).

Юрий Герман

Мой спаситель

Роман Юрия Германа «Дело, которому ты служишь» снискал широкую читательскую популярность. По его сюжету снят известный фильм «Дорогой мой человек». Сейчас писатель заканчивает работу над второй книгой романа. Сегодня мы печатаем отрывок из нее. Полностью роман будет опубликован в журнале «Звезда».

Флагманского хирурга на главной базе не оказалось — Алексей Алексеевич оперировал где-то в авиации, кажется, в госпитале у Левина, и там заночевал — так объяснил Володе толстогубый дежурный. И никакого гостеприимства толстогубый, не в пример фронтовым докторам, не проявил. Он ответил на вопросы этого бледного от усталости майора медицинской службы — и только. «Да и не гостиница тут в конце концов», — вяло оправдал он своего коллегу и опять вышел к заливу — под холодные звезды.

В небе было неспокойно: вот там, далеко, где город, загорелся мертвый, зеленоватый свет — это они сбросили осветительные ракеты на парашютах, чтобы было видно, куда пикировать, вот со свистом пронеслись наши истребители, а вот и дробные, торопливые удары зениток с транспортов и батарей. Опять заварилась каша...

«Это из-за каравана», — подумал Устименко и вспомнил давешних моряков в госпитале на горе — англичан, американцев, негров, вспомнил обмороженного малайца, умершего на операционном столе, и сердитые слова Харламова:

— Убейте меня — я не понимаю, почему столько обмороженных. Решительно не понимаю.

Северное сияние, не торопясь, разгоралось над заливом — это, разумеется, было очень красиво, но Володе не хотелось сейчас любоваться красотами природы. Медленно, усталым, тяжелым шагом поднялся он по прорубленным в скале ступенькам и открыл дверь в низкий барак, именуемый тут гостиницей. Девушка со злыми бровками, в накинутой на плечи матросской шинельке, быстро обернувшись, даже без его вопроса сказала, что мест нет и не будет.

— А может быть, как-нибудь? — осведомился он неопределенно и неуверенно, презирая себя за свой тон: — Собственно, я мог бы и на полу...

Ему всегда отказывали, если он спрашивал для себя хоть самую малость. И никогда не отказывали, если он спрашивал для других. По всей вероятности, все зависело от тона. Но почему бы в данном, например, случае не отнестись к себе, как к постороннему майору медицинской службы, который должен в конечном счете ночевать? Ведь этот самый майор нужен войне, если его одевают, кормят, выплачивают ему денежное содержание? Так заступись же за майора, Устименко! Не мямли! Не теребни пуговицу на шинели! Потребуй для Устименки, как требуешь для своих подчиненных или для своих раненых!

— Слушайте, товарищ военврач, — сказала девушка: — Какой вы принципиальный, что над душой стоите. Или вам не ясно?

Ох, поставить бы ее на место, сказать бы ей что-нибудь тем железным голосом, которым он умел разговаривать у себя в медсанбате, показать бы, что такое волевой командир!

Впрочем, об этом он раздумывал уже много позже, еще раз прогулявшись по базе и остановившись возле маленького зданьица, внутри которого что-то пофыркивало и ритмично плескалось.

И Володя сразу догадался, что это за здание: это знаменитая баня базы флота, об этой бане он недавно читал во флотской газете нечто вроде оды — здакое восторженное, с большим количеством восклицательных знаков.

Ну и прекрасно!

Если ему совершенно негде ночевать, то он помоется.

«Чего не доел, то доспишь», как говорил старшина Шилов, когда их отрезали в начале войны на Трех Островах.

Он, Устименко, помоется, отогреется и подремлет.

Полундра, фрицы, майор медицинской службы Устименко теперь знает, что ему делать! У него в сумке смена белья и носки. У него есть мыло! Что же касается до мочалки, то он ее одолжит. Вот как все будет!

Откуда к нему пристало это слово «полундра»? Ах, из газеты. «Полундра, фрицы, здесь стоят матросы!» — такую шапку ежедневно видел он на второй полосе флотской газеты.

Ужасно все-таки глупо, что он не поставил на место ту, из гостиницы. Ведь он не баклуши бил: он трое суток оперировал. Он оперировал, и его кололи кофеином, чтобы он не заснул стоя, а поспать его не пустили в этот барак. Полундра, фрицы, он напишет об этом факте в газету нечто жалостное под названием «нечуткость». Нечто раздирающее душу!

Главное — не заснуть в бане сразу.

Нет, он не заснул.

Он голый, и вокруг него голые. Нагие, как пишут в книгах. Рядом на лавке какой-то нагой грузин — маленький, верткий, весь, как мартышка, поросший крепкими темными волосами. Он похлопывал себя по ляжкам, поколачивал ребром ладони себе плечи, ловко массировал колени. И болтал. И все болтали — не баня, а какой-то сумасшедший дом. Посидели бы тихо и поспали!

Впрочем, спать не следовало.

Полундра, фрицы, надо быть бдительным.

Тут, в бане, можно встретить знакомого и напроситься к нему ночевать — вот для чего следует быть бдительным. Вдруг тут окажется капитан-лейтенант Лошадный — ведь из него Володя вытащил довольно корявый осколок. И подарил Лошадному на память. Ах, в каюту бы к Лошадному... И вообще, мало ли здесь подлодок, эсминцев, тральщиков...

Впрочем, прежде всего следует заштопать носки. Как у настоящего старослужащего, у него есть в шапке иголка и нитка. Но с глазами случилось что-то такое, что ему никак не попасть в игольное ушко. Глаза слипаются. В них песок. В конце концов, щурясь, словно близорукий, подняв к самому глазу игольное ушко, он прицелился и попал, но не совсем. Только на третий раз он настолько взял себя в руки, что мог приступить к штопке. Не без ловкости Володя пропустил иголку вокруг дыры и крепко потянул. Получилось то, что на Украине называется «гуля». Гулю он примял пальцем. Теперь следовало подготовить к ремонту второй носок. Размышляя над разодранной в куски пяткой, он сунул иголку ушком вниз в лавочную щель, чтобы не затерялась. И тотчас же на иголку, весело что-то рассказывая, сел заросший волосами грузин.

Было даже неправдоподобно, что у такого мужественного, мускулистого человека — такой визгливый голос.

— Укусил! — кричал он, вертясь между голыми офицерами военно-морского флота — Укусил!

Все повскакали со своих мест — и те, кто отдыхал после парной, и те, кто только еще предчувствовал банные радости.

— У него там нитка болтается! — крикнул сипатым, морским голосом мичман в подштанниках и в кителе: — Он же на иголку сел!

— Позвольте, я — врач! — сухо остановил Володя мечущегося грузина и сел возле него на корточки.

Пострадавший тоненько всхлипнул.

— Не лягайтесь! — велел Володя: — Вовсе не так больно.

— Не столько больно, сколько унизительно! — сердито ответил пострадавший.

Кругом уже осторожно посмеивались.

— Ничего смешного нет, — сам не веря своим словам, произнес Устименко: — Это свинство швырять иголки на скамейки!

Грузин горячо пожал ему руку.

— Не стоит благодарности, — все еще поражаясь своей воле, сказал Володя: — Но, повторяю, это свинство!

И скользнул вдоль стены. Ему казалось, что кто-то на него внимательно смотрит, и «опасность придала ему мужества». Из бани на всякий случай он пробрался в парную. Здесь его не разыщут — в сладких стенаниях парящихся, в клубах пара, в белесой мгле веселого банного ада. А если и разыщут, он отмежуется. Хорошо, если пострадавший — вольнонаемный. А вдруг он — полковник? Или, упаси бог, адмирал? И, если прикажет:

— А подать мне сюда этого буйного идиота!

Иди тогда — доказывай, что ты три дня не спал.

Его просто свело от ненависти к себе.

И оказывается, он лжец! Отвратительный, наглый и спокойный лжец! Или все это на почве переутомления?

На всякий случай он еще вздремнул над своей шайкой с полчасика в бане. Здесь было по крайней мере тепло, а кто знает, что ожидало его дальше — на этой базе, где столько больших теплых домов, в которые его никто не зовет? И не так тут одиноко, как на скалах этого гарнизона, и не надо настраивать себя на мысли о суровой и непередаваемой красоте Севера.

Но уж если не везет, то не везет, как любила говорить старуха Ашхен: едва он вышел из предбанника, как напоролся на патруль. Уже миновало время, надо было иметь ночной пропуск, которого у него, конечно, не было. И он даже не сопротивлялся и не спорил — он покорно пошел между автоматчиками-матросами, как дезертир или «матерый диверсант». «Полундра, Устименко, — думал он, — здесь стоят матросы! Все устроилось отлично, теперь ему есть где ночевать — на скамейке у коменданта. Там, наверное, тепло и кто-либо из задержанных угостит махоркой. Вот оно и счастье...»

Рядом с ним шагал еще один задержанный, и Володя не без тревоги вдруг узнал давешнего грузина. К счастью, грузин оказался штатским. На голове у него была мягкая шляпа, в руке он нес лакированный чемоданчик.

— Мой дорогой доктор! — сказал грузин: — Мой спаситель, не так ли?

Все это звучало несколько двусмысленно, но Володя кивнул. Штатский представился — его зовут Елисбар Шабанович Шошиа, он капитан. Его коробка называется «Александр Пушкин». Прошу любить и жаловать. Давеча он пришел из США. Недурной шип — он там на рейде, но нет таких глаз, которые бы разглядели судно, если этого не хочет помощник Петро-

По-сегодняшнему о сегодняшнем

С. ЮЛИН

«Нон мульта, сед мультум» — «не много, но многое».

Скупые газетные сообщения о миллионах пудов целинного хлеба напомнили мне об этом латинском изречении. Воистину — «не много, но многое». События, происходившие в иссушенных зноем, изломанных морозом бескрайних целинных степях, на мой взгляд, не поняты еще современниками во всей их масштабности и значимости. Целинная эпопея не получила еще в искусстве того волнующего отражения, которого ждут и читатели, и зрители наши.

Поэтому все, что появляется у нас в кинематографе, в драматургии и в литературе о целине, о людях, покоривших ее, о людях большого мужества и еще большей скромности, — все это вызывает острый и, я бы сказал, ревнивый интерес.

Проза, рождающая личные ассоциации, может принадлежать только талантливому литератору. Именно это я чувствовал, знакомясь с повестью Ольги Кожуховой «Хлеб, которым делишься». Читая повесть, я сразу же вспомнил душный июнь пятьдесят седьмого года, бескрайнюю дорогу среди желтой стены хлеба и звенящую, настороженную тишину: уборка еще не началась, и поэтому чуть приметные звуки летней степи еще больше подчеркивали безмолвие, похожее на затишье перед боем.

Вспоминал я людей целины: обгорелых под солнцем веселых комсомольцев, приехавших сюда по путевкам райкомов; спокойных, едко-умных директоров совхозов; трактористов с негритянскими зубами на почерневших лицах — всех тех, с кем меня сводила жизнь на жарких целинных дорогах. И при воспоминании об этой поездке мне захотелось бросить все свои дела, купить билет и махнуть на целину, к моим добрым адамовским знакомцам. А если, читая прозу, вы захотите вдруг забросить все и уехать к тем, о ком рассказывается в книге, то, значит, хорошая вам попалась проза. Заслуга Ольги Кожуховой в том, что книга ее не оставляет вас равнодушными ни на минуту; вы не просто наблюдаете за тем, как складываются судьбы героев, — Кожухова приглашает вас к тому разговору о сегодняшнем дне, который волнует всех.

Кто-то пробовал подсчитать число сюжетов, использованных в литературе. Их оказалось сравнительно мало, и даже век космических полетов не внес много новшеств. Проблемы добра и зла, чести и ханжества, смелости и трусости — извечные проблемы, где бы они ни решались: в кабине космического корабля, на кухне районной чайной или на полях целинного края. Но люди, решающие эти проблемы, меняются в наш стремительный век — вровень с ним, столь же стремительно. Поэтому главные герои повести — парторг совхоза «Первомайский» Потапов и директор Ромашкин — новые люди, сегодняшние люди, столкнувшись в старом, казалось бы, конфликте, решают его принципиально посегодняшнему.

Приехал в степной целинный совхоз новый человек; выбрали этого нового человека парторгом. И то первое, с чем сразу же ему пришлось столкнуться, стало для него экзаменом. Нет в совхозе хлеба. Совхоз дает хлеб стране, а вот у тех, кто его растит и собирает, уже несколько месяцев нет хлеба — вкусного, поджаристого и пахучего, такого обыкновенного и необычайного. И новый парторг Потапов ночью, после напряженного дня, усталый, запыленный, с запавшими глазами, несется на громыхающем газике в район — за хлебом для рабочих, потому что сейчас обыкновенный каравай дороже самых дорогих деликатесов, он становится символом заботы о человеке, символом любви к человеку.

Помогает ли парторг Потапов чинить трактор изломанному, непутевому Родьке, посылает ли свою жену печь хлеб в пекарне, ломает ли в себе сложное чувство к Гале, спорит ли с секретарем райкома Челомеем о том, кто должен собирать хлеб — шефы из города или люди, его растившие, — во всем виден живой, добрый, чистый человек, настоящий большевик, настоящий ленинец.

Конфликт Потапова — Ромашкина — конфликт двух стилей в работе, а стиль — это человек, это характер человеческий. Ромашкин мыслит категориями той мощной техники, которая ему подчинена, и тех тысяч гектаров земли, которые дают стране хлеб. Потапов мыслит и живет не категориями. Он живет людьми, потому что только они — хозяева земли и техники.

Потапов борется не против Ромашкина, он борется за Ромашкина и побеждает в этой борьбе: правда побеждает всегда. Она беспощадна к тем, кто изменяет ей. Вот секретарь райкома Челомей. Он честный человек, но он живет старыми рецептами, он не видит той смелой инициативы, которая идет снизу, страшится ее, не понимая, что в ней — смысл сегодняшнего дня. И он терпит поражение.

Нельзя быть настоящим руководителем, оперируя лишь цифрами сводок, — пусть очень хорошими и радостными; нельзя быть настоящим руководителем, только отдавая команды, — пусть правильные и трезвые: в народном хозяйстве нет писаных уставов для командиров. Каждый момент требует от командира своего и только своего решения. А истинно правильное решение — всегда плод коллективного разума наших людей, потому что и у министра, и у разнорабочего — одна цель, понятная и близкая каждому из двухсот миллионов, которые живут в нашей стране.

Мне кажется, что кое-где О. Кожухова словно внутренне опасается, — не слишком ли «серьезны» проблемы, ею поднятые. И тогда, как гирей на весах, она пытается уравновесить эти проблемы любовными коллизиями. Здесь, к сожалению, писательница допускает просчет. Опасения ее напрасны: поднятые ею вопросы так важны и злободневны, что могли бы обойтись и без традиционного лирического сопровождения.

Победа Потапова, главного героя повести Кожуховой, — не назойливая авторская сентенция, не «обычная», по литературному трафарету, победа «лит. добра» над «лит. злом». В этом финале повести — штрих сегодняшней жизни, смело выдвигающей в руководители тех, кто живет истинными интересами народа.

То, что сделано нашим народом на целине, — великолепно. То, что предстоит сделать, — не менее величественно. Поездки Н. С. Хрущева, его пламенные выступления перед людьми целины ставят перед нами новые, поразительные по дерзости своей задачи. Грядут новые свершения на целине, и это правда, которую надо петь во весь голос — радостно и звонко.

Ольга Кожухова. «Хлеб, которым делишься». Повесть. Издательство «Советская Россия». М. 1960.

Вчера, сегодня, завтра

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ САХАЛИН»

На Сахалине нет еще писателей-профессионалов. Но есть люди, горячо любящие литературу, тянущиеся к творчеству: строители, рыбаки, моряки, журналисты. Они-то и начали около двух лет назад готовить к изданию первый коллективный сборник. Сейчас таких сборников вышло уже два.

«Литературный Сахалин» познакомил читателей с отрывками из повести журналиста Игоря Лисочкина «Романтики». Это искренний, взволнованный рассказ о буднях комсомольцев далекого леспромхоза. Хороши рассказы молодых сахалинских писателей.

Но, пожалуй, самое интересное — это документальные страницы, посвященные Сахалину и его людям. «О наших товарищах» — так назвали авторы цикл материалов, открывающий второй выпуск «Литературного Сахалина». Здесь — стихи Н. Петроченкова, посвященные бригадиру строителей Ольге Прищеп, очерк о подвиге четырех героев, дрейфовавших в Тихом океане, очерк Ан. Болобонкина о разведчиках нефти, публицистические заметки журналиста Л. Лисовского.

Сейчас сахалинцы подготовили к изданию третью коллективную книгу.

В КОНЦЕ 1960 года издательство «Советский писатель» издало книгу А. Белинкова «Юрий Тынянов». Это его первая книга, и мы должны быть благодарны издательству, что оно решилось дать слово молодому писателю.

Часто трудно понять, как рождается писатель, что он в себя вбирает, как осмысливает то, что знает.

В творчестве Владимира Маяковского, несомненно, имеет значение то, что Владимир Владимирович любил живопись, понимал ее. Еще большее значение сыграли политическая подготовленность поэта, его привычка к спору, к реплике на митинге.

У Юрия Николаевича Тынянова было много неожиданных знаний, прежде всего он был очень хороший литературовед и историк литературы, с прекрасной подготовкой, с умением искать материал. Потом он поэт своеобразный, стыдливый, избирательно направленный, влюбленный в Державина, Ломоносова и Гейне.

Для Юрия Николаевича это все сливалось, или, как он говорил, соотносилось. Знания Тынянова были велики, и, кроме того, он обладал боковым зрением и запоминал как будто даже случайное. Он смотрел на жизнь широко и был внимателен, не пропуская в ней ничего. Больше всего в своей жизни он любил русскую классику — Пушкина, Толстого. Русские исторические романы в таких различных своих проявлениях, как Алексей Толстой и Юрий Тынянов, минуя эпоху романов Мережковского, прямо связаны с творчеством Льва Толстого.

Русский исторический роман отказался от наследства символистов, переучившись истории у Октябрьской революции.

А. Белинков в своей книге пишет:

«Вырождение буржуазного исторического романа столь катастрофично потому, что, как всегда и всякий исторический роман, он создается для доказательства правоты своей истории. Таких доказательств у современной буржуазии нет. Ее исторический роман, блистательно начатый Вальтером Скоттом, умирает у Моруа. Но у прогрессивных писателей, поставивших под сомнение буржуазную историческую незыблемость, роман становится свидетельством социального неблагополучия. Т. Манн в «Признаниях авантюриста Феликса Круля» пародирует современную буржуазную историческую литературу, и пародия становится похожей на плутовской роман».

В книге А. Белинкова много точного и верного.

Книга последовательно показывает, как Тынянов вводил в советский исторический роман новый материал и новое понимание.

Историчность работ Тынянова-теоретика предвосхищала его художественную прозу.

Все, что писал Тынянов-художник, главным образом было связано с преодолением формализма, и именно с преодоления началось его художественное творчество.

Между теорией Тынянова и романами нет разрыва. Он вошел в беллетристику по ступеням теории. Ему понадобился герой-писатель, писатель отвергнутый, писатель-теоретик, вмешивающийся в жизнь, писатель-революционер, желающий переделать жизнь. Ему понадобился неканонизированный человек с великой судьбой. Он избрал Кюхельбекера. Все это было так органично, так правильно, что Кюхля, отвергнутый всеми писатель, которого не сумел ввести в литературу любивший его Пушкин, вошел в сознание советских людей как свой человек, как предок. Дети, юноши полюбили Кюхельбекера. Мы приняли его в свое будущее...

Затем Тынянов показал неслучайность фигуры Грибоедова. Трагичность образа декабриста, которого николаевщина вытесняет из действительности, борьба человека, возможность действовать, противоречивость эпохи, горечь поражения иллюзий, компромисс — вот содержание «Смерти Вазир-Мухтара». Юрий Николаевич был историком, он не изменял речей героев, почти не домысливал их, он старался не домысливать. Он не присоединял интриги к роману, а находил сюжет действия в сюжете—герое. А слово «сюжет» в старом словоупотреблении обозначает предмет: и предмет повествования, и самого героя как предмет, показанный в повествовании. Но искусство должно включить исторического героя в свою систему, а история не подлежит, с нашей точки зрения, изменению. Над ней не надо иронизировать, ее не надо ни ухудшать, ни улучшать.

ОЧЕНЬ любопытно в книге Белинкова вскрыты одна основная удача и одна основная неудача в творчестве Тынянова. История подпоручика Киже представляла собой один из редких случаев появления нового характера, случай нового смыслового столкновения, лежащего в сюжетной композиции.

Самовлюбленная, хвастливая Екатерина II сама была орудием истории. Павел хотел быть истинным самодержцем, хотел писать историю только так, как он, Павел, хочет. Он сам стал «поручиком Киже». Стал описью истории. Случай с поручиком Киже — это утверждение несуществующего — открывает нам сущность павловского царствования, эту мечтательную и жестокую неудачу человека, не видящего окружающего и утверждающего то, чего не существует.

«Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара» и «Поручик Киже» — это вершины, на мой взгляд, творчества Тынянова. Здесь нет вписывания в историю современности. Есть раскрытие истории через сюжеты, что есть предмет и действие, его исследующее, присущее именно этому времени, вскрывающее противоречия именно этих эпох.

Юрию Николаевичу захотелось на какой-то период превратить удачу в стиль, и он создал еще две новеллы — «Восковая персона» и «Малолетный Витушишников». А. Белинков с необыкновенной точностью показывает, как ошибся Тынянов, как он неточно описал, превосходно зная материал, петровскую кунсткамеру. В петровской кунсткамере были сосредоточены натуралии и раритеты. Раритеты — это вещи редкие, обычно уродства. Натуралии — это истинные предметы для коллекционирования. Например, гербарий состоит из натуралий, а двуглавый теленок рядом с трехглавым — оба только раритеты. Петр интересовался раритетами, но больше интересовался в своей государственной деятельности натуралиями.

Из белинковского анализа Тынянова ясно, что предмет не надо рассказывать как поразительный, его надо показывать как ясно видимый, как точный, как непохожий на другие. Но не надо увлекаться сенсационностью изображения.

В главе 6-й «Восковой персоны» рассказывается про великую стрельбу в городе Петербурге и о парусах над городом. Композиционную роль это выполняет. Автору нужно было описание паники в городе; люди не знают — шведы ли пришли или Нева поднялась. Потом оказывается, что это чудит новая императрица Екатерина I: безутешная вдова великого Петра таким способом поздравляет столицу с 1-м апреля и хохочет, задирая ноги. Это очень сильная сцена, но она не столько натуральна, сколько раритетна, она написана стремительно, как сон перед увиденным тревожным пробуждением. Но мне Екатерина Алексея Толстого, купающаяся в пруду, барочная, похожая на вырезанное из дерева украшение к голландским часам, кажется реальнее, натуральнее. Я понимаю любовь к ней Петра, она удивительна, но это «натуралия», а не раритет.

Петр умер, но дело, которое он сделал, было реально. Петербург заливало, но город был построен в низкой дельте не в шутку. Его заливало так же, как заливало и многие другие города, поставленные на плоских берегах морей. Грузы можно было возить только по рекам и каналам, торговые города располагались в низинах, наводнения им были знакомы. Правда, петербургские наводнения были самые острые. Выбор места для постройки города был дерзостью Петра, но не безумием. Натуральность поступков Петра есть у Тынянова в характере Меншикова, Ягужинского. Но кунсткамера, стиль, почерк заменили узор, заменили знаки системы, через которые раскрывается время.

Таким же отступлением от блистательной тыняновской линии, как показывает А. Белинков, был «Малолетный Витушишников».

КРОМАНУ «Пушкин» Тынянов шел всю свою жизнь. Он был прежде всего человеком, влюбленным в Пушкина. «Тынянов проверяет Пушкиным русскую литературу», — говорит А. Белинков. Но болезнь сминала крупнейшего нашего писателя. Юрий Николаевич был болен рассеянным склерозом, который тогда еще не умели лечить. Склероз маленькими бляшками овладевает нервными центрами, как будто враг вошел в город, захватывая телефонную станцию, путает регулировку города, тушит огни ночью. Юрий Николаевич долго боролся; болезнь то наступала, то отступала. «Пушкин» написан превосходно, с огромным знанием предмета, с огромной любовью. Пушкин входит в жизнь, оспариваемый всеми и всех ослепляя. Люди смотрели на солнце Пушкина, щурясь. Они хотели бы щуриться от недоверия и презрения, но Пушкин несомненен, как будущее.

Книга Тынянова о Пушкине — настольная книга у всякого человека, который изучает Пушкина, потому что она вдохновенна и основана на неисчерпаемом материале. Но и к ней можно приложить упрек: она несколько литературна. Великий поэт Пушкин был менее литературен, более жизнен, более страстно жаден к жизни, чем поэт, описанный Юрием Николаевичем. Любовь Пушкина к родной стране, его ненависть к тирании, его вротичность — все это не книга, это выращивается, додумывается на почве книги. Но первое единство, которое нужно вскрыть,—это сам Пушкин, не физиологический, конечно, Пушкин, но Пушкин, рожденный временем для того, чтобы увидеть это время, чтобы время само себя увидело.

Я подробно рассказываю о книге Белинкова. Она мне очень нравится — в ней есть личность Тынянова. Я считаю, что эта книга — одно из самых интересных явлений литературоведения нашего последнего пятилетия. Книга зрелая, опытная. Приятно видеть человека, который так обдуманно, серьезно и талантливо входит в нашу литературу.

У меня есть один упрек — стилистический. Иногда спокойный анализ, который так удается Белинкову, прерывается афоризмами. Я сам таким афористическим мышлением иногда страдаю. Иногда на афоризм закидывает Белинкова. Я думаю, что в следующей книге он стилистически станет самостоятельнее, тем более, что последние главы его книги почти совершенно свободны от этого греха.

МЫ ПОЛУЧИЛИ книгу А. Белинкова — свежую, смелую, внимательную и очень талантливую. У него есть свой взгляд на русскую историю и литературу. И он нередко берется спорить с Тыняновым. Этот спор он умеет вести на равных. Но ценность ее еще и в том, что она выходит за границы монографии и не только разрешает важнейшие проблемы современного исторического романа, но и ставит коренные вопросы развития сегодняшней советской литературы.

Я жду от этого человека многого.

А. Белинков. «Юрий Тынянов». Издательство «Советский писатель». 1960.

Вчера, сегодня, завтра

ТЕАТР ПРИЕЗЖАЕТ НА ЦЕЛИНУ

В беседе с нашим корреспондентом начальник отдела театров Управления культуры Моссовета М. Миринтоф рассказал:

Творческие связи московских мастеров искусств с тружениками целины уже стали традицией. Недавно вернулись из больших творческих поездок по Алтаю и Оренбургской области Театр имени Маяковского и Театр имени Ленинского комсомола. Они связаны давней дружбой с целинниками-зрителями. В фойе этих театров открыты постоянные выставки, посвященные знатным людям Алтайского края и хлеборобам Оренбургской области.

На днях прибыла в Целиноград группа артистов Московского музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко и Всероссийского гастрольно-концертного объединения.

В первой половина апреля в Целинный край выедет на полтора месяца коллектив Московского театра кукол, чтобы дать несколько спектаклей для самых маленьких жителей целины.

Готовится и поездка по Челябинской области Театр имени Ермоловой. Коллектив театра познакомит зрителей со спектаклем «Девушка с веснушками» и большой концертной программой. На целинные земли Амурской и Читинской областей выехала бригада Московского театра оперетты под руководством заслуженного артиста РСФСР В. Зарубеева. Она покажет целинникам отрывки из советских и классических оперетт. Бригада актеров цыганского театра «Ромэн» совершит длительную гастрольную поездку по Целинному краю.

При Управлении культуры Моссовета создан Общемосковский штаб по проведению творческих встреч работников искусства и литературы с работниками промышленности и сельского хозяйства Москвы и Московской области.

В феврале и марте этого года штаб провел больше двухсот встреч, в апреле будет проведено около 150 отчетов мастеров искусств во дворцах культуры, во Дворце спорта в Лужниках, в Кремлевском театре. В подмосковных колхозах и совхозах будут организованы праздники искусства, в которых примут участие лучшие художественные коллективы столицы, ряд известных московских писателей.

Театральные работники столицы отчитываются в своем мастерстве перед самым строгим судьей — массовым зрителем.

ВСТРЕЧА В КОЛОННОМ ЗАЛЕ

Кого назовем мы главными действующими лицами на этом снимке? Тех, кто на сцене, или тех, кто в зале? Идет разговор двух равных — ответственный разговор писателя и читателя. Каждый помнит не одно «мероприятие», похожее на дополнительную нагрузку и танцам или концерту. На этом вечере все внимание добровольно и безраздельно было отдано главному — литературе.

Фоторепортаж А. Князева

ПРОЩЕНИЯ НЕТ!

«Он мне не отец!.. Он враг мой».

Сын не прощает отцу измену Родине — так заявил в печати молодой рабочий-строитель Сергей Крисевич, который живет с матерью Ефросиньей Марковной в селе Сапанове Кременецкого района на Тернопольщине. А отец его, Григорий Крисевич (теперь он Поплавский), проживает в США, в городе Трентон, Центрстрит, 331, штат Нью-Джерси.

Что это за история?

Сергей Крисевич родился в тяжелом 1941 году в том же году исчез его отец. Григорий Крисевич. Когда гитлеровцы оккупировали Украину, Григорий Крисевич пошел служить в фашистскую полицию. Долго уговаривала его Ефросинья Марковна оставить эту позорную службу, но он не послушал ее, бросил жену и ребенка и стал одним из самых жестоких полицейских.

Когда Сергей подрос, мать рассказала сыну правду о его отце. Юноша узнал о том, что возглавляемые отцом бандиты убили его односельчан Марию Кравчук, Григория Чернецкого, Пантелеймона и Александра Дубчаков и других.

Вместе с оккупантами головорез-полицейский бежал из родных мест.

— Не терзай сердца, сынок! — успокаивала сына Ефросинья Марковна. — То, что я рассказывала, тяжело и больно. Но ты не виновен. Забудь навсегда негодяя-отца.

Сын вырос, вступил в комсомол, закончил школу, начал работать на строительстве.

Но вот недавно он узнал, что его отец-предатель жив. Сергей получил письмо из-за океана. Оказалось, что Г. Крисевич орудует теперь не пистолетом, а крестом. Он стал священником, «отцом Поплавским». В письме своем он рассуждает о «любви к ближнему» и поучает сына: «Без бога — ни до порога».

Письмо это до глубины души оскорбило юношу. Сергей Крисевич ответил на него словами, исполненными гнева и презрения.

Корреспонденция Ф. Сергиенко о судьбе Сергея Крисевича опубликована в третьем номере журнала «Україна».

Журналы в апреле

«ДРУЖБА НАРОДОВ»

«Ленин и Восток» — этой статьей Шарафа Рашидова открывается апрельская книжка журнала. Печатаются беседа писателя А. Былинова с академиком ВАСХНИЛа Б. П. Соколовым «Зерно изобилия — кукуруза!» и беседа писателя К. Лордкипанидзе с председателем Совета Министров Грузинской ССР Г. Д. Джавахишвили «Дары земли грузинской».

Богато представлена в номере поэзия. Печатается стихотворение узбекского поэта Рамз Бабаджана «День рождения Ленина» в переводе М. Светлова, подборка стихов восемнадцати грузинских поэтов, переведенных Евг. Евтушенко, стихи поэтов Африки в переводе Ю. Хазанова, два стихотворения французского поэта Рене Депестра в переводе П. Антокольского, стихи марийского поэта Валентина Колумба в переводе Н. Старшинова.

Журнал публикует роман Алима Кешокова «Чудесное мгновение», рассказ китайского писателя Ван Вэнь-ши «Плотничьих дел мастер», рассказ А. Генатулина «Аю-таш».

В разделе «Мир глазами писателя» — путевые заметки М. Ибрагимова об Индонезии.

Опубликованы воспоминания К. Федина и В. Лавренева — о верном ленинце, славном сыне латышского народа Яне Лютере.

В «Литературном наследстве»—публикация «Друг взыскательный и добрый. А. А. Фадеев о литературе народов СССР».

«ТЕАТР»

Свой четвертый номер журнал открыл статьей В. Смирнова «Образ Ленина».

Напечатаны две новых комедии «Левониха на орбите» А. Макаенка и «След на земле» Ц. Солодаря.

Журнал продолжает вести дискуссию «Актерское искусство сегодня». В ней выступают со статьями В. Орлов, А. Баталов, В. Гаевский, Н. Зоркая, Н. Черкасов, В. Годзишевили, Е. Агеев, О. Бган.

В разделе «Зарубежный театр» печатаются статьи Е. Шамович «От выставки к театру» (о чехословацком экспериментальном театре «Латерна магика»), А. Образцовой «Шекспир, Шоу, Уайльд» (об английском театре «Олд Вик»), А. Асариана «Итальянцы у себя в театре».

ТАЛАНТЛИВО

В. ШКЛОВСКИЙ

ковский. А маскировка — великое дело. Вообще же у него неудачный день сегодня, не будем уточнять все подробности...

— Послушайте, — внезапно обратился Шошиа к автоматчику своим сиповатым голосом с едва уловимым мягким, гортанным звуком, — послушайте, вы люди или не совсем? Мне нужно к своему другу на корабль, это очень близко, вот он стоит, «Светлый», неужели непонятно? Попытайтесь понять, завтра меня поставят под разгрузку, и я — конченый человек! Послушайте, вы, с автоматом, у вас есть душа?

Матрос кашлянул и не ответил.

— Есть или нет? Душа? Сердце? Сосуд с добром у вас имеется?

— Надо слово знать, — глубоким, из самого нутра ласковым басом, словно маленькому, сказал матрос: — Время военное, мало ли кто лазает. Бывает — парашютисты...

— Слово — мушка! — сладким голосом, с воркующими придыханиями произнес Шошиа.

— Нет! Не мушка!

— Слово — самолет!

— И не самолет!

— Не самолет и не мушка, — задумчиво согласился Шошиа: — Может быть, мотор?

— Нет.

Шошиа набрал воздух в легкие и быстро выговорил:

— Танк — румпель — пропеллер, курица — петарда — клотик, бескозырка — гюйс, тральщик — эсминец — линкор — авианосец.

Матрос молчал. Другой негромко хихикнул.

— Вот какой человек, — сказал Шошиа: — Поразительный человек! Твердый человек. В каменном веке такие люди жили, и то с трудом...

Матрос внезапно ужасно обиделся:

— Оскорбляйте, оскорбляйте! — ответил он: — Мы на нашей службе всего видели. Один попался — до морды хотел достать, достал пять суток гауптвахты, только нынче и управился, перед ужином вышел. Налево, в подвал, вторая дверь...

Здесь сидел комендант.

Шошиа и Володя положили перед ним свои документы. Капитан угостил коменданта сигаретками «Честерфилд» и жевательной резинкой. Комендант взял две сигаретки и две пластинки чуингама. Матрос с сизыми морозными пятнами на щеках мрачно и обиженно сидел на скамье. Шошиа предложил сигарету и ему.

— Не надо, — сказал матрос своим нутряным, бесконечно добрым басом.— Сначала оскорбляете, а потом папиросочки. Я, может, четыре рапорта подавал, чтобы воевать отправили, а здесь от разных лиц исключительно оскорбления слышишь.

— Кто вас оскорбил, Петренко? — спросил комендант.

— Да вот этот вольнонаемный и оскорблял. В каменном, говорит, веке такие жили, и то, говорит, с трудом. Это как понять, с трудом?

— Ясно, — сказал комендант металлическим, комендантским голосом. И лицо его из строгого, но все-таки и юного, и веселого превратилось в непроницаемое, специальное, комендантское лицо: без выражения, без возраста — одна только лишь твердость. — Ясненько, — повторил комендант: — И попрошу сесть там, на скамью для задержанных. Курить тут не разрешается. Разговаривать тоже. Утром выясним ваши личности.

И так как говорить было больше решительно нечего, то комендант выплюнул чуингам и швырнул в печку недокуренную сигарету. А Володя пожалел сигарету и сразу же уснул.

Было ровно шесть, когда он проснулся. Шошиа крепко спал, откинув горбоносое лицо. Профиль его был резко вырезан, и Володя удивился — Шошиа выглядел сейчас далеко не молодым человеком.

— Не было! — сонно-бодрым голосом докладывал кому-то по телефону комендант: — Героев Советского Союза у меня в наличии не имеется...

— Почему не имеется? — приоткрыв один глаз, спросил Шошиа: — Любой из вас, дорогие, может завтра стать героем...

Удругим шагом Елисбар Шабанович пересек комнату, выхватил из руки коменданта трубку и негромко заговорил:

— Прошу прощения, товарищ адмирал. Это капитан Шошиа. Нет, нас никто не задерживал, мы просто заплутались с одним симпатичным военврачом и замерзли после бани. А комендант — чуткий товарищ, нас приютил и обогрел. Мы тут отдохнули. Нет, товарищ адмирал, не задерживал. Мы весьма ему признательны, благодарны! Оказал настоящее флотское гостеприимство. Спасибо, товарищ адмирал, мы сейчас на «Светлый» и направимся...

Комендант сделал хватательное движение рукой, но Шошиа уже повесил трубку. Несколько секунд все молчали. Обиженный давеча матрос курил у печки самокрутку.

— Надо ж было сказать, кто вы такой! — не глядя на капитана, начал комендант, но Шошиа перебил его:

— Нет, не надо! — внятно, негромко и печально сказал капитан: — И обижаться не надо. Прошу прощения, товарищ Петренко, но я не желал обидеть. Пожмем скорей друг другу руки, как сказано в одной ресторанной песенке, — дорога вьется впереди.

Матрос встал, сизый, морозный румянец исчез с его щек.

— Давайте руку, дорогой Петренко, — сказал Шошиа, — мы все неплохие люди, только немного переутомленные. Совсем немного, самую малость. И иногда случается, что нам не хватает чувства юмора. Некоторым из нас. Я не угадываю, и шутка обращается против меня. Привет, дорогой товарищ комендант, будьте и впредь бдительным — это полезно во время войны. Пойдем, товарищ военврач?

— Куда?

— Со мной к моему старому другу.

Они стояли в абсолютной тьме — так им, по крайней мере, казалось: все затаилось в этой холодной весенней ночи — и боевые корабли, и пароходы, и гигантские либерти, груженные взрывчаткой, танками, тушенкой, ботинками, — затаилось и кольцо аэродромов, и порт, и город, и ближние и дальние базы...

— Товарищ Герой Советского Союза, — раздался сзади тихий и ласковый бас матроса, — мне приказано вас проводить на «Светлый»...

— Ну что же, проводи, дорогой, — так же негромко ответил Шошиа: — Проводи, дружок. А что касается до твоего ко мне обращения, то оно не совсем правильное. Вот, например, вчера со мной один случай произошел на глазах нашего уважаемого военврача, я немного пострадал. Я получил небольшую травму. Военврач мне даже оказал на месте хирургическую помощь, он очень находчивый, этот майор медицинской службы. Так ты думаешь, я не кричал в процессе получения травмы? Нет, я кричал и стонал! Таким образом, ты можешь сделать вывод, что нет такого человека, который был бы всегда героем. Героем должен и может быть каждый из нас в предлагаемых обстоятельствах. Ясно?

— Ясно! — откуда-то из тьмы услышал Володя ответ матроса.

— Это ты запомни, дорогой! — продолжал Шошиа. — И если бы ты находился в моих обстоятельствах, то тоже имел бы Золотую Звезду — не сомневаюсь в этом! Согласен?

На лидере «Светлом» у трапа их опросили, потом провели в чистую, теплую кают-компанию. Мирно потрескивало паровое отопление. Вестовой в белой робе спросил, не хотят ли гости чайку, и чай тотчас же появился. Шошиа велел принести рюмки и показал на пальцах — три. Потом открыл свой лакированный чемоданчик и поставил на стол бутылку бренди. Володя читал этикетку, когда услышал нестерпимо знакомый голос:

— Это кто же тут пьянство разводит?

Тяжелая бутылка выскользнула из его рук и мягко шлепнулась на бархатный диван. Еще не успев обернуться, он почувствовал на своем погоне могучую руку Родиона Мефодиевича и сам не заметил, как, словно в далеком детстве, прижался лицом к только что выбритой, обветренной с холоду щеке капераига Степанова. А Родион Мефодиевич гладил Володю по мягким волосам и тоже, словно тогда, давно, в той мирной жизни на улице Красивой, когда и Варвара была с ними, приговаривал:

— Ишь, военврач! Майор! И взрослый к тому же человек! Значит, воюем?

— Да вот...

— То-то что вот! Варвару не встречал?

— А где она?

— Здесь, неподалеку...

Какая-то словно бы тень пронеслась по его лицу, и круто повернувшись к Шошиа, он обнял его, поцеловал и негромко, с твердой радостью в голосе произнес:

— Я же тебя и не поздравил еще. Не знал, куда депешу отбивать. Значит, непосредственно из врага народа в Герои Советского Союза? Без пересадки? Расскажи, как оно все-таки произошло?

— А никак, Родион. Служу Советскому Союзу, вот и все. Или тебя боевые эпизоды интересуют и как мы отражали атаки фашистских стервятников?

Они оба улыбались чему-то, а чему — Володя не понимал. Впрочем, это не имело значения. Не торопясь, очень красиво (он все делал как-то особенно красиво и изящно) Шошиа налил рюмки и, подняв свою, сказал негромко и очень четко:

— Мне бы хотелось, чтобы молодой доктор, мой новый друг и даже благодетель, знал, что товарищ моей юности Родион Мефодиевич Степанов, не страшась решительно никаких последствий, извлек меня из тюрьмы в тридцать восьмом году...

— Служим Советскому Союзу! — со своей мягкой полуулыбкой сказал Степанов.

— Вот за это я и предлагаю выпить тост, очень принятый на моем шипе по имени «Александр Пушкин».

Они сдвинули тихо зазвеневшие рюмки, и капитан Шошиа произнес тихо и быстро:

— За службу! Смерть немецким оккупантам!

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК

От нас ушел горячий пропагандист советской драматургии, автор декораций ко многим спектаклям, верный друг советских писателей... Умер Нисон Абрамович Шифрин, главный художник и один из основателей Центрального театра Советской Армии.

Он отдал театру сорок два года своего творчества, и с именем его связаны спектакли, впервые раскрывшие на сцене образы героев. Ведь это же он, Н. Шифрин, был автором художественного оформления «Гибели эскадры» А. Корнейчука в ЦТСА и «Страха» А. Афиногенова в МХАТе, «Сталинградцев» Ю. Чепурина, «Сказки о правде» М. Алигер, «Полководца» К. Тренева, «Москва, Кремль» А. Афиногенова, «Флага адмирала» А. Штейна, «Поднятой целины» М. Шолохова. Он оформлял комедии Шекспира и драмы М. Горького. Каждая его работа была значительным событием в жизни театра. Совсем недавно он пленил зрителя своим поэтическим прочтением «Чайки» А. Чехова на сцене МХАТа и мужественной романтикой «Барабанщицы» А. Салынского в ЦТСА.

Он был не просто художником, он всегда был сотворцом. Его декорации помогали донести и понять душу произведения, он был подлинным новатором, энтузиастом театра. Трудно, очень тяжело расставаться со светлым талантом Н. Шифрина, с его жизнелюбивым, мудрым и ласковым талантом. Память о нем, труды его будут долго жить и согревать наши сердца.

И. ШТОК

Центральная Европа

Вчера, сегодня, завтра

НА ЯЗЫКЕ, СБЛИЖАЮЩЕМ НАРОДЫ

В 1888 году толпа фанатиков растерзала возле мечети в азербайджанском городе Шемахе «вероотступника», поэта-просветителя Сеида Азима Ширвани. Погибший в расцвете творческих сил, поэт при жизни не увидел ни одной своей книги. Но творчество его получило широкое признание не только в Азербайджане, но и на Ближнем Востоке. Острие поэзии Сеида Азима направлено против мракобесов и ханжей, поборников темноты, царских чиновников.

Русскому читателю Сеид Азим Ширвани до сих пор почти незнаком. Теперь творчество поэта станет достоянием широких кругов читателей. Азербайджанское государственное издательство «Азернешр» выпускает на русском языке однотомник избранных произведений Ширвани «Обращение к сыну» в переводах И. Оратовского и А. Плавника. Творчеству С. А. Ширвани посвящена монография М. Багирова, выпускаемая Детюниздатом на русском языке.

В нынешнем году «Азернешр» издает на русском языке и другие произведения азербайджанских писателей: повесть Мехти Гусейна «Трудная осень», роман Сулеймана Велиева «Спорный город», последний, третий том романа-эпопеи «Шамо» Сулеймана Рагимова, второй том романа Гылмана Мусаева «Восстание в крепости», книгу стихов и поэму «Невеста» В. Кафарова. На днях из печати вышел сборник юмористических рассказов С. Абасова «По собственному желанию».

Общий тираж произведений азербайджанских писателей, выходящих в нынешнем году на языке, сближающем народы, превышает 500 тысяч экземпляров.

И. КАМЕНКОВИЧ

БАКУ

Стратегия реванша

Эрнст Генри

IV. ФИКТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ «ОБОРОНЫ» ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

КОГДА Гитлер вооружал свою реваншистскую армию, он не скрывал, к чему готовится. Характерная черта политики современного германского милитаризма состоит в том, что она тщательно замаскирована. Камуфляж не тот, что раньше. Маскируется не оружие, а то, как и где оно будет применяться.

Смысл всей стратегии боннских милитаристов — в подготовке реванша. Но внешне это преподносится так, как будто речь идет об «обороне» Западной Европы в рамках Североатлантического блока от вымышленного противника на Востоке. Главным признаком своего военно-политического «искусства» Хойзингер и Шпейдель, по-видимому, считают то, что под прикрытием подобной фиктивной стратегии им вот уже седьмой год почти беспрепятственно удается развивать свою подлинно реваншистскую стратегию. Нельзя отрицать, что «синтез» той и другой стратегии осуществляется ими в НАТО не без успеха.

Открытые реваншисты Гинденбург и Гитлер были вынуждены до поры до времени скрывать вооружения германской армии. Хойзингер и Шпейдель, выступая в роли «убежденных противников» военного реванша, вооружаются на глазах у всего мира и добиваются того, что их изо всех сил подгоняют бывшие противники на Западе. Каждый шаг, который германские милитаристы теперь предпринимают, обосновывается требованиями «оборонительной» стратегии НАТО.

Эту «стратегию» провозглашают на всех углах и перекрестках. Боннские генералы произносят на эту тему длиннейшие речи на сессиях Совета НАТО и даже перед открытыми аудиториями. Штраус и Шпейдель дают интервью, охотно распространяясь о своих планах и идеях. Западногерманские газеты пестрят статьями военных экспертов, в которых подробно рассказывается, как бундесвер участвует в военных приготовлениях антисоветской коалиции, какую долю усилий он берет на себя, какие жертвы готов принести для «общего дела».

Когда Хойзингер еще в 1957 году потребовал, чтобы армия НАТО в Центральной Европе состояла из 30 дивизий, он обосновал это необходимостью «удержать американское предмостное укрепление в Западной Европе». Когда генерал Эйзенхауэр в марте 1959 года выступил против демилитаризации ФРГ, он заявил: «Мы (американцы. — Э. Г.), конечно, не собираемся вести войну на суше в Европе. Какой смысл посылать еще несколько тысяч солдат или даже несколько дивизий в Европу?». И Хойзингер, и Эйзенхауэр выдвигали, по существу, один и тот же аргумент. Дело представлялось так, как будто ФРГ вооружается исключительно для того, чтобы таскать для американцев каштаны из огня в Западной Европе.

Не только с политической, но и с чисто военной точки зрения эта теория не выдерживает критики. Достаточно разобрать по частям стратегические концепции бундесвера, чтобы убедиться, что либо они не имеют ничего общего с «обороной» Западной Европы, но зато много общего с планами западногерманского реванша, либо же их вообще нельзя принимать всерьез.

Согласно официальной концепции НАТО, бундесвер берет на себя «оборону» центральноевропейского фронта протяжением в 700 километров вдоль границ ГДР и Чехословакии. В глубину фронт охватывает территорию от Эльбы до Сены размером в 755 тысяч квадратных километров с населением 120 миллионов человек. Задача бундесвера якобы состоит в том, чтобы прикрывать дороги на Рейн, выходы из Балтийского моря и подступы к Южной Германии. В западной печати, в частности в боннских изданиях, публикуются красочные описания грядущей «великой битвы за Рейн», в ходе которой бундесвер призван грудью встретить мнимого противника, прорывающегося к Атлантическому океану. С пафосом обсуждается вопрос, каким путем может Хойзингер «спасти Европу».

Оставим в стороне такой общеизвестный факт, как миролюбие Советского Союза. С точки зрения нынешнего состояния военной техники и соотношения военных сил, все эти разглагольствования немецких милитаристов очень похожи на роман, притом из наполеоновских времен. Достаточно взглянуть на карту. Но предположим, что армия, «удерживающая» центральноевропейский фронт НАТО, думает не об обороне, а о нападении. Карта остается та же, соотношение сил то же. Но стратегия бундесвера в таком ракурсе тотчас же становится на свое место. **Речь идет не о Рейне, а об Эльбе.**

8 августа 1960 года главнокомандующий сухопутными силами НАТО в центральноевропейской зоне генерал Шпейдель выходит на трибуну в Вашингтоне и говорит об идеях и планах своего командования. Что он подчеркивает? Главным образом одну мысль: что «оборона массива суши» в центральной зоне Европы должна быть предпринята «насколько можно дальше к востоку». «Сегодня, — сообщает Шпейдель, — мы планируем оборону Центральной Европы на ее крайних восточных рубежах». Тут же поясняется, о каких рубежах идет речь. Сектор командования Шпейделя, по его словам, «охватывает все территории государств Центральной Европы», и его армия не намерена лишиться «глубины для реальной свободы оперативных маневров».

Это звучит очень глубокомысленно и не слишком вразумительно. Но и профан может разобраться в военной философии Шпейделя и его понимании «реальной свободы». Какие государства обычно причисляют к зоне Центральной Европы? Помимо ФРГ — демократическую Германию, Чехословакию, Польшу, Венгрию и Австрию.

ПЛАН ВТОРЖЕНИЯ В ГДР

В 1959 году в германской демократической печати были опубликованы некоторые данные о плане бундесвера «ДЕКО II», подписанном самим Хойзингером. В плане намечается «военная оккупация среднегерманского пространства до линии Одер — Нейсе», то есть всей ГДР вплоть до границ Польши. В сентябре того же года в ФРГ были проведены маневры войск НАТО под девизом «Шаг в сторону». Учения велись по образцу гитлеровских операций типа «блицкрига». Задача бундесвера в этих маневрах сводилась к тому, чтобы в течение суток, применяя атомное оружие, захватить ГДР.

Несколько месяцев спустя стало известно запротоколированное показание западногерманского офицера, перешедшего в ГДР. Офицер формулировал концепцию бундесвера следующим образом: «Вести операции надо так, как в свое время вел их Гитлер, осуществляя аннексию Австрии и вторжение в судетские земли. Надо совершить молниеносное вторжение в ГДР...». Следует учесть, что планы захвата Австрии и Чехословакии в тридцатых годах готовились в гитлеровском генеральном штабе при ближайшем участии Хойзингера.

В августе 1960 года в одной из французских газет было опубликовано интервью с двумя офицерами бундесвера, перешедшими в ГДР, — майором Винцером и капитаном фон Глига, бывшим адьютантом командующего военно-воздушными силами ФРГ генерала Каммхубера. Винцер сообщил, что при нападении на ГДР бундесвер будет прежде всего стремиться отрезать участников Варшавского договора друг от друга. С этой целью предусмотрено «использовать» территорию нейтральной Австрии. В Бонне, по-видимому, намечен следующий план.

Первая армейская группа агрессоров переходит в наступление, продвигаясь вдоль южной границы ГДР до линии Одер — Нейсе. Таким путем предполагается отрезать ГДР от Чехословакии. Повернув на север, в направлении Франкфурта-на-Одере и Берлина, эта группа должна затем отрезать ГДР от Польши. В то же время второй армейской группе, продвигающейся вдоль границы между Чехословакией и Австрией, предписывается окружить Чехословакию, вторгнуться в Венгрию и отрезать ее от Чехословакии и Польши. Западногерманский флот тем временем производит нападение на северное побережье ГДР, в районе Ростока и устья Одера. Германская Демократическая Республика «окружена». Так, по крайней мере, предполагается по плану Хойзингера.

В сентябре 1960 года в ФРГ были проведены самые большие военные маневры за все время существования боннского государства. Помимо американских частей, в маневрах принимали участие вновь сформированные атомные бригады бундесвера. На севере действовали сухопутные войска, военно-морские силы и военно-морская авиация. Каждый из этих маневров составлял часть единого плана. Картина следующая.

Танковые части бросаются в места прорыва, пробитые атомными ударами. Из Баварии войска НАТО движутся на Дрезден, из Шлезвиг-Гольштейна — на балтийский порт Штральзунд, в районе которого высаживаются десантники западногерманского флота. Берлин — объект десанта с воздуха. Где-то западнее столицы ГДР боннский штаб предполагает зажать Народную армию ГДР в двойных «тисках».

В феврале 1961 года на юге ФРГ вновь проводились маневры, в ходе которых инсценировались «атомные удары».

Нет надобности подвергать эти планы оценке с военной точки зрения. В конце концов тем, кого били в сороковых годах, надо же и в шестидесятых годах чем-то зарабатывать свой хлеб в роли профессиональных стратегов. Нас интересует другое.

Какое отношение все это имеет к «обороне» Западной Европы? Перед нами не планы «обороны», а планы нападения, военной агрессии в полном смысле слова, причем такой агрессии, которая по старому обычаю германского милитаризма включает нарушение нейтралитета соседней страны, в данном случае Австрии. Без этого, как видно, боннские бонапарты не видят возможности обойтись и на этот раз.

БАЛТИЙСКИЙ «СТЕРЖЕНЬ»

Но Эльбой и Одером дело не ограничивается. Что общего с «обороной» имеют стратегические замыслы бундесвера на другом участке шпейделевского фронта — Балтийском море?

Здесь силами НАТО тоже командует западногерманский военный. Примерно три четверти всего состава боннского военно-морского флота сосредоточено теперь в Балтийском море. И тут мы снова сталкиваемся с концепцией агрессии в чистом виде.

Официальный тезис Атлантического блока гласит, что силы НАТО в Балтике нужны для того, чтобы помешать враждебному флоту прорваться через проливы в Атлантический океан и тем поставить под угрозу армию западных держав на материке, в частности ее коммуникации и снабжение. Нужно закрыть Балтийское море для противника, говорят американские и английские стратеги. Нужно открыть Балтийское море для нашего нападения, подразумевают западногерманские генералы. Командование в их руках.

25 января 1957 года Хойзингер выступает перед гамбургским клубом торгово-промышленной знати «Ганза» и заявляет: «Западногерманский флот должен по своему замыслу строиться как сила наступательная». Хойзингер повторяет: «Наступая, флот (ФРГ. — Э. Г.) должен нанести удар в Балтийском море». В декабре 1958 года военный журнал «Веркунде» называет Балтийское море «морем, в котором решается судьба НАТО». В августе 1959 года журнал «Бундесвер» пишет: «Балтийское море превратилось из второстепенной сцены мировой политики в стержень морской стратегии НАТО на северном фланге».

Все это, конечно, слова, слова битых. Но они отражают определенные замыслы, конкретные приготовления. Балтийское море, точно так же, как район суши к востоку от Эльбы, рассматривается в Бонне как объект молниеносной агрессии.

Строительство нового западногерманского флота полностью подчинено этой идее. Упор делается прежде всего на подводные лодки. Предусматривается вооружить их ракетами типа «Поларис» с водородными зарядами. Радиус действия таких ракет превышает 2 000 километров. Это больше, чем расстояние от любого пункта в Балтийском море до Москвы или до Лондона. Для чего нужны такие подводные лодки: для обороны или нападения?

Нет нужды вновь смотреть на карту, взвешивать соотношение сил — хотя бы одних ракет — и предугадывать, во что обойдется Западной Германии любая попытка такого нападения в направлении на восток. Слишком ясно, чем все это неизбежно кончится для инициаторов агрессии. Но все это интересно тем, что лишний раз подтверждает наш вывод. Командование бундесвера думает о чем угодно, только не об «обороне» Западной Европы.

На это указывают и другие пункты программы боннского штаба. Например, его требование предоставить новому вермахту «глубокий тыл» на западе и юге континента. Как будто тот факт, что базы агрессора будут находиться не в Западной Германии, а на несколько сот или даже тысяч километров дальше, спасет их от уничтожения ракетами дальнего действия. Но для целей, нимало не связанных с обороной, эти базы действительно нужны. Если, например, бундесвер в какой-то момент вознамерится внезапно установить свою военную диктатуру над Западной Европой, то сделать это бесспорно легче, располагая собственными базами в соответствующих странах.

Для авантюр (притом безнадежных!) стратегия боннских милитаристов подходит. С точки зрения «обороны» она не стоит и гроша. Ни один мыслящий человек не может в действительности принимать ее всерьез в этом смысле. Чрезвычайно знаменательно, что именно так и относятся к ней видные военные в самой Западной Германии.

Еще десять лет назад бывший начальник гитлеровского генерального штаба генерал Гудериан опубликовал книгу, доказывавшую несостоятельность и бессмысленность стратегии НАТО в Западной Европе. Старый специалист вермахта по «блицкригу» подошел к вопросу прямолинейно и просто-напросто высмеял планы НАТО. Надо полагать, что Хойзингер в душе согласен с Гудерианом, хотя и считает его политическим простаком.

В 1955 году открытый бунт против командования НАТО и бундесвера поднял человек, заменивший в 1944 году Хойзингера на ключевом посту начальника оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск вермахта и вновь занявший этот пост в бундесвере, — полковник фон Бонин. Его выступление вызвало настоящий скандал. Фон Бонин заявил, что планы НАТО ставят на карту существование Западной Германии и являются вызовом по отношению к Востоку. «Я уверен, — писал этот видный деятель боннского штаба, — что верховное командование НАТО разделяет мою мысль относительно безнадежности обороны Европы в случае войны». Этими словами фон Бонин прямо давал понять, что официальные стратегические проекты Хойзингера и Шпейделя не отвечают их подлинным замыслам. Фон Бонин был снят со своего поста.

Не лишен интереса факт, что и сам Штраус, политический руководитель бундесвера, однажды не выдержал и в порыве свойственной немецким милитаристам наглости проговорился. «Это нетерпимо, — выкрикнул боннский военный министр, — чтобы мы, немцы, были пешими носителями лука и стрел для сидящих на лошади американских атомных рыцарей». Сказано довольно выразительно. Ясно, что Штраус и Хойзингер претендуют на роль «атомных рыцарей на коне» для самих себя.

В последнее время, когда весь мир напряженно следит за лихорадочной активностью бундесвера и приготовлениями к его оснащению оружием массового уничтожения, представители бундесвера все больше и все красноречивее говорят об «обороне» Европы. Штраус заявил, что НАТО представляет собой оборонительный союз и что ФРГ не преследует собственных военных целей. Западногерманские генералы подчеркивают при каждом удобном случае, что все их усилия, все старания подчинены одной мысли — защите континента.

И чем больше они кричат и бьют себя в грудь, тем яснее становится, что то, о чем они говорят, — фикция. Под видом стратегии американского авангарда в Европе шаг за шагом, пункт за пунктом проводится новая реваншистская стратегия боннского штаба.

Продолжение. Начало см. «Литературную газету» от 21, 23 марта и 1 апреля 1961 года.

ОБОЗРЕНИЕ. У полки с переводами

ЗУЛЬФИЯ. Счастливого пути, книги-друзья!

ПРОИЗВЕДЕНИЯ писателей стран Азии и Африки пользуются в нашей стране большой любовью.

Не удивительно, что тиражи книг наших собратьев по перу — писателей афро-азиатских стран измеряются у нас поистине астрономическими цифрами. Достаточно сказать, что в 1960 году в Советском Союзе были переведены и вышли в свет произведения писателей более чем 26 стран общим тиражом в 9 057 тысяч экземпляров. Причем по отдельным странам, например Индии, тираж достиг в прошлом году 1 516 тысяч экземпляров, а Китаю — 3 541 тысячи экземпляров.

Мы давно уже крепко полюбили книги таких современных писателей Китая, как Го Мо-жо и Мао Дуня, индийских писателей Кришана Чандара и Ходжа Ахмада Аббаса, алжирского писателя Мухаммеда Диба, певца свободы пакистанского поэта Фаиз Ахмада Фаиза и многих других.

И разве не знаменательно, что у нас в Узбекистане, сравнительно небольшой республике, книги афро-азиатских писателей издаются в десятках тысяч экземпляров. Это же можно сказать и о других наших республиках.

Нет сомнения, что живой интерес советских людей к книгам писателей стран Азии и Африки будет расти с каждым годом, ибо нам близок свободолюбивый дух их произведений. Мы хотим больше знать о странах Азии и Африки, где сегодня происходят события всемирного значения.

Сегодня «Литературная газета» рассказывает о новинках, вышедших в московских издательствах. Счастливого пути, книги-друзья!

ТАШКЕНТ

НАВСТРЕЧУ ЗОВУ...

ЕСТЬ книги, повествующие об удивительных событиях. Я долго не мог отучиться от привычки заглядывать в последние страницы таких книг, чтобы поскорее узнать судьбу героя: отомстил ли он злодею, нашел ли своего друга, освободил ли свою возлюбленную? Обычно такие книги называют увлекательными.

Книга индонезийского писателя Мухаммада Раджаба «Я родом с острова Суматра» — бесхитростный рассказ о детстве мальчика Риджала. В этой повести нет искусственно накрученного сюжета. Она — сама жизнь. Мне могут возразить: разве удивительные события не есть явления реальной жизни? Да, но в книге Раджаба нет нарочитой концентрации необычайных происшествий. Значит ли это, что она скучная, что читается она без интереса? Нет. Умение в простых словах, в описании обыденной жизни раскрыть внутренний мир героя, показать рост его сознания — неотъемлемое достоинство писательской манеры Раджаба.

Мне пришлось недавно побывать в тех краях, о которых рассказывает Раджаб. Я видел народ, разорвавший цепи колониализма. Но многое из того, что описывает писатель, еще бытует на индонезийской земле, хотя всюду явственно пробиваются ростки новой жизни.

Я видел молодых людей, сверстников героя книги юноши Риджала, но с совершенно иной судьбой. В дом, где мы остановились, однажды пришла группа молодежи Джакарты. Юноши и девушки интересовались жизнью Советского Союза, охотно рассказывали о себе. Они пели песни Индонезии, полные молодого задора, мужества, уверенности в завтрашнем дне. Особенно запала мне в душу песня о Западном Ириане. Я не понимал слов песни, но я знал судьбу Западного Ириана и верил, что уста, поющие эту песню, без колебания произнесут смертный приговор господству иностранных поработителей.

Может быть, это были младшие братья Риджала, решительно вступающие на путь свободы, который еще нередко омрачается тучами военных угроз, происками внутренней реакции, но который изо дня в день становится светлее.

Индонезия сегодняшнего дня не та, что описана в книге Мухаммада Раджаба. Она стала свободной страной, она становится страной настоящей, большой жизни, о которой мечтал юный Риджал, когда говорил: «Откуда-то издалека доносился властный зов настоящей, большой жизни, и он был так же могуч, как грохочущие несмолкаемые раскаты грома.

Я иду навстречу этому зову...»

Расул РЗА

БАКУ

Мухаммад Раджаб. «Я родом с острова Суматра». Повесть. Перевод с индонезийского Л. Колосс. Детгиз.

Вечнотекущая, живая глубина

ОЩУЩЕНИЕ, которое возникло у меня после того, как я впервые прочла томик японских трехстиший, напоминает ощущение человека, побывавшего проездом в прекрасной незнакомой стране. Хочется возвратиться туда опять, снова и снова отыскивать, рассматривать места, поразившие своей прелестью, любоваться ими неторопливо, открывать в них что-то новое, неувиденное, непонятое ранее. Крохотные стихотворения из трех строк каждое. На каждой странице — от одного до трех стихотворений. В книге светло и просторно. Ни суеты, ни пестроты. Здесь не встретишь вялых, необязательных строк. Ни одного вычурного образа, — для них просто нет свободной площади в этих простых, ясных, четких, как цветные гравюры, стихах. Они насыщены красками, звуками, запахами, в них радость, печаль, раздумье, они динамичны и полны глубокого смысла:

Больше некому стало
Делать дырки в бумаге окон.
Но как холодно в доме!

Надо было много увидеть, передумать, перечувствовать, прежде чем взять самое главное. Читая эту книгу, не перестаешь удивляться и радоваться мастерству и чувству ответственности художника.

Очевидно, здесь многое идет от традиции японской поэзии. Но какая это прекрасная традиция! Я далека от мысли, что наши стихи мы должны писать по образцам японских трехстиший. Но уменью работать, искать, отбирать самое существенное нам стоило бы поучиться! И потом это уменье видеть красоту, искать и находить ее повсюду — и в красных стеблях гречихи, и в хризантемах, расцветших среди намней во дворе каменщика, в осеннем унылом дожде и цапле, важно ступающей по свежесжатому полю. Это не любование ярким пятном или эффектным бликом — это любовь к родной земле и ко всему на ней живущему. Сорок два (!) названия растений встретила я в этой небольшой книге. Я уважаю поэтов, которые так знают и любят природу своего края и не путают незабудок с тюльпанами, для которых золотые цветы сурепки так же дороги, как и традиционные белые хризантемы.

Красоту надо беречь. Я не могу не привести здесь очень известного трехстишия:

За ночь вьюнок обвился
Вкруг бадьи моего колодца...
У соседа воды возьму!

Я не могу не вспомнить и другого:

Как же это, друзья?
Человек глядит на вишни в цвету,
А на поясе длинный меч!

Хорошо, когда стихи хочется перечитывать снова и снова. Если бы такое сравнение не было слишком холодно, мне хотелось бы сравнить эти трехстишия с лунками во льду. Маленькое пространство чистой воды, а за ним — вечнотекущая, живая глубина.

Вероника ТУШНОВА

«Японские трехстишия. Хокку». Перевод с японского Веры Марковой. Гослитиздат.

Маленькие рецензии

В. СИКОРСКИЙ. НЕ СЧЕСТЬ ПОЭТИЧЕСКИХ АЛМАЗОВ...

Это не рецензия, а скорее письмо по поводу прочитанного. Точнее — даже открытка.

Средств связи много — почта, телеграф, радио. Но подлинное средство связи душ человеческих — искусство. Поэзия соединяет многих людей, и нет прибора, способного уловить эти странные нити, кроме сердца.

Сегодня я почувствовал такую связь с авторами книги «Молодые поэты Индии» (издательство «Молодая гвардия»), в которой представлено более пятидесяти имен — переводы с хинди, урду, бенгали, пенджаби, тамили, телугу и других языков народов Индии. Эти стихи собрал и снабдил предисловием Е. Челышев. Если бы у радиоприемника была душа, он бы радовался хорошей музыке и самоотключался при приеме скверной. К сожалению, до сих пор наука еще не придумала такой автоматики. Я читаю этот небольшой сборник стихов и не только не хочу самоотключаться, чтобы «принимать» лишь Рабиндраната Тагора, Тулсидаса, Икбала, Чаттопадхайя — прославленных индийских певцов. Я готов слушать и слушать все новое, что напишут молодые поэты.

Эта книга стихов помогла мне увидеть и понять главное богатство Индии — людей, их борьбу, их горе и надежды.

Сердце мое горит и поет
Для миллионов людей...
Я без людей заблудиться б мог
В переплетеньях земных дорог!

Автор этих строк Джагдиш Гупта стал мне вдруг родным по духу.

А как близки всем нам слова, сказанные Аджитом Кумаром о стяжателях и корыстолюбцах:

Достиженья лучшие века,
Даже музыка, песня и стих,
Даже звание человека —
Не для них!..

Не счесть алмазов индийской поэзии. И сегодня мне захотелось послать приветственную открытку далеким друзьям: спасибо за ваше бесценное искусство!

В. ФИНК. АЛЖИР — ЗЕМЛЯ ДРЕВНЯЯ

Не буду пересказывать все содержание романа Мулуда Маммери «Когда спит справедливость». Отмечу только, что действие происходит в Алжире, в кабильской деревне Игзер. Перед нами открывается жизнь трудная, нищая, темная.

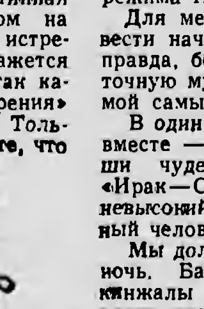
Алжир — земля древняя. К какой же эпохе относится та печальная темнота и та жестокость несчастья, так мастерски описанные Маммери? Читаешь роман (его выпустило в свет Издательство иностранной литературы) и видишь, что действие происходит во время второй мировой войны — спустя почти 130 лет после того, как французы пришли сюда с своей «цивилизаторской» миссией.

Маммери правдиво и сурово показывает результат этой кровавой миссии. Вот некоторые персонажи романа попадают в армию. Встречая их на страницах книги, я вспомнил тех алжирцев и других африканцев, с которыми служил в армии во время первой мировой войны, задолго до описываемых событий. Ничего как будто не переменилось. Африканцы — пушечное мясо, они получают меньшее жалованье, чем белые, инвалидам выплачивается меньшая пенсия, семьям не полагается продовольственных карточек. Так было в 1914 году, так было в 1945 году. Однако история все же не повторяется. Народ Алжира борется за свою независимость. Он еще не победил, но колонизаторы уже побеждены морально, и они будут окончательно разгромлены.

Маммери говорит о сельском богаче Тудере: «Всеобщая ненависть мало беспокоила Тудера, но то, что его перестали бояться, вселяло в него ужас». В наши дни эти слова приобрели мировой масштаб.

ДРУГ МОЕГО ДРУГА

КОГДА изумрудная декоративная полоска ливанского Средиземноморского побережья растворится в зыбком, знойном воздухе, тогда только, пожалуй, и начнется истинная Азия. Сначала горы, а потом на многие сотни километров серая, истрескавшаяся земля. Сверху она кажется сухой и мягкой, как пыль. Но так кажется сверху, а с этой «точки зрения» многое оказывается обманчивым. Только ступив на ту землю, вы поймете, что она подобна камню. А камень — сам по себе бесплоден. Но если к камню можно подвести воду, тогда его можно превратить в оазис — так считают на Востоке.



Повесть иракского писателя Зу-н-нун Айюба «Рука, земля и вода» (в русском переводе «Дело Маджида Рахима») интересна прежде всего тем, что рассказанная в ней правда сурова, но вместе с тем и оптимистична. А не это ли спутники истинной писательской удачи?

В центре повести — взаимоотношения разных людей, связанных друг с другом формально только одним: землей. Прогрессивные интеллигенты, феодалы, крестьяне, купцы, разложившиеся чиновники-бюрократы — таковы герои повести, никак не утерявшей злободневности, хотя описанные в ней события относятся к временам кровавого режима Нури Саида.

Для меня знакомство с автором повести началось еще в Багдаде, если, правда, беспрекословно принимать восточную мудрость: «Друг моего друга — мой самый лучший друг».

В один из вечеров мы собрались все вместе — гости, советские люди, и наши чудесные хозяева из общества «Ирак — СССР». Среди них был один невысокий, внешне вроде бы неприметный человек, известный иракский поэт.

Мы долго стояли с ним у окна. Была ночь. Багдад спал. Накрахмаленные кинжалы пальмовых листьев никак не могли кончить бесполезной своей дуэли: дул ветер, а когда дует ветер, листья пальм всегда сражаются на «дуэли». Поэт стоял у окна и читал стихи. Вот от него, от доброго поэта и мужественного гражданина, я и услыхал о писателе Зу-н-нун Айюбе и о его книгах.

— Он не только талантлив, — сказал мой собеседник, — он еще мужествен и честен. Прочтите его последнюю повесть — вы убедитесь в этом.

Я убедился в этом. И еще я убедился в том, что когда честные, талантливые и мужественные люди дружат и в жизни, и в творчестве, тогда создается та атмосфера, в которой лучше всего пишутся правдивые произведения, исполненные гражданственности и нравственной чистоты.

Юлиан СЕМЕНОВ

Зу-н-нун Айюб. «Дело Маджида Рахима». Повесть. Перевод с арабского К. Оде-Васильевой. Издательство иностранной литературы.

Правление Союза писателей СССР и правление Союза писателей Узбекистана с глубоким прискорбием извещают о безвременной кончине талантливого узбекского драматурга

Бахрама РАХМАНОВА

и выражают свое искреннее соболезнование семье покойного.

И. о. главного редактора В. А. КОСОЛАПОВ.

Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, Ф. Ф. КУЗНЕЦОВ, Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (Для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 8-99-33, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-08-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68, Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30

Б—04172